

СМЕНА

ПОЗДРАВЛЯЕТ

С НОВЫМ
ГОДОМ

30 ДЕКАБРЯ — СОРОКАЛЕТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Год издания тридцать девятый

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

24 ДЕКАБРЬ
1962

О. ДМИТРИЕВ
В. КОСТРОВ

Всего лишь год —
И запылала дымна,
И бешеная

взнуздана река.

Победный год,
Огромный год —
Огромный
Победный шаг
В грядущие века.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ
СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Григор

И новые открыты нами
сплавы,
В тайге дороги новые
легли.

Рабочий год
И славный год —
И славный
Рабочий шаг
В грядущее Земли.

И близнецов космических
улыбки,
И четкий строй отличного
полака.

Геройский год,
Великий год —
Великий,
Геройский шаг
В грядущие века.

Комбайны,
Как в моря,
Уходят в нивы,
Со ступеней сползают корабли.
Весомый год,
Счастливый год —
Счастливый,
Весомый шаг
В грядущее Земли!

ПО ЗАВЕТУ ИМПЕРИИ.

Возмозий мерзлый воздух с высоты Славской Башни Кремля падает традиционные двенадцать ударов. Звучит мелодия Государственного гимна СССР.

Под эту дорожку звучит каждого советского человека музыку проискают снова лет. Год тысяча девятьсот шестьдесят второй переходит в область истории.

Год тысяча девятьсот шестьдесят третий встает на боевую вышку строительства коммунизма.

Перед тем как поднять бокалы в честь новорожденного года, поемодим, оглянемся на путь, пройденный страной, народом, партией, комсомолом.

Трудно, почти невозможно перечислить все этапы, все опознавательные знаменья прошлого года. Ведь это был первый год осуществления предначертаний исторического XXII съезда партии. В этом году мы сделали впервые широкие шаги в намеченном съездом строительстве бесклассового коммунистического общества.

Ноябрьский Пленум ЦК КПСС подвел итог первых четырех лет нашего семилетнего плана. И кто этот радеет и охватывает человеческое сердце. Грандиозный план, рассчитанный на большое напряжение усилий всего народа, не только выполнен, но и перевыполнен. Вместо 39 процентов прироста продукции за четыре года мы получили 45 процентов! Радостный итог! И не зря так жарко аплодировали мы, участники Пленума, этой цифре, сообщенной в докладе Н. С. Хрущева. В ней слышится четкий ритм нарастающего движения страны к коммунизму, слышится могучий, победоносный шаг истории.

Велики наши успехи. Тесно объединенные вокруг ленинской партии миллионы тружеников города и села, чья творческая энергия и инициатива не связаны более путями класса личности, трудятся дружно и самолюбиво. Они знают, что только их трудом, их усилиями, их общественной и трудовой дисциплиной гарантируются намеченные партией этапы нашего движения к коммунизму. Никто ничего не делает за нас. В наших руках хронометр, отсчитывающий путь напряжения трудовой мысли, темп нарастающего движения вперед.

Ноябрьский Пленум Центрального Комитета еще и еще раз показал, что партия наша, преодолев пагубные последствия культа личности Сталина, отбросив со своей дорожки антипартийную группу сектантов и догматиков, как никогда сплочена, сильна, едина, миллионы крайних итотых связи с народными массами, обременена их безграничным доверием.

В привычной в последние годы атмосфере деловитости участники партийного руководства предложенные в докладе Н. С. Хрущева направления перестройки партийного руководства за народным хозяйством, исходя из нынешних потребностей развития экономики страны. В преддверии этого года много сделала для того, чтобы привести систему управления экономикой промышленности и сельского хозяйства в соответствие с новыми задачами. Эти меры принесли огромную пользу народу. Они стали могучим толчком к ускоренному развитию народного хозяйства.

«Но жизнь не стоит на месте», — говорили на Пленуме Н. С. Хрущев, — экономика страны быстро растет, коммунистическое строительство приобретает все больший размах, задачи руководства становятся все сложнее. На очереди дня выдвигается вопрос о перестройке партийного руководства народным хозяйством.

Решения Пленума, покоящиеся на мудрости и дальновидных заветах Владимира Ильича, вне сомнения, придадут еще большую наступательную силу, еще более быстрый темп нашему движению по пути к коммунизму. Недаром Н. С. Хрущев в своем докладе указывал, что если будет найдена правильная организационная структура, то мы будем иметь возможность при существующих кадрах планомерно развивать все отрасли экономики. Партия сейчас насчитывает в своем рядах более 10 миллионов человек. В стране около 20 миллионов комсомольцев. Профсоюз объединяет 66 миллионов трудящихся. Наша партия и организация, которые находятся под ее руководством, — огромная сила.

Да, все годы строительства социализма и коммунизма, и в особенности последние годы, воочию показали, как велики общественные силы, объединяющиеся вокруг ленинской партии и ее Центрального Комитета. Именно объединенной энергией этих сил так решительно достигнуто вперед дело строительства коммунизма. И нам, людям старшего поколения, особенно приятно сознавать, что в этой борьбе вместе с нами, в едином строю уверенно шаг вперед юное поколение.

Ваш народ с гордостью и благодарностью помылит исторический почин и подвиг комсомольцев в раскваше миллиона гектаров целинных земель на востоке страны. Ваш народ с гордостью и благодарностью следит за тем, как сотни тысяч молодых энтузиастов, воевавших в несвое время в Сибири и Дальнем Востоке, своей энергией, своим комсомольским задором, своим трудом и знаниями ставят на службу народу эти сказочно богатые края, деля их сокровища достойным обществом, строящим коммунизм.

И нет никакого сомнения в том, что в осуществлении дальнейшего движения вперед, и коммунизма, и коммунизма — поворочено вперед, в передовых, штурмовых колоннах строителей коммунизма, среди разведчиков будущего. Ноябрьский Пленум ЦК КПСС, который объявил все стороны жизни нашей, открывает перед каждым молодым человеком поистине неисчерпаемые возможности.

Когда читаете и перечитываете доклад Н. С. Хрущева — а чтобы понять всю широту и глубину этого доклада, его надо перечитать не раз! — то за показателями технического прогресса, экономическими выкладками, за вопросами государственного планирования видится одно лицо: каждый из нас должен постоянно чувствовать себя хозяином в государстве, творцом, строгим контролером и хранителем народного богатства.

Двадцать миллионов наших юношей и девушек итот на группу комсомольцев и комсомолец. Двадцать миллионов молодых, сильных, жизнерадостных людей. Какая это огромная сила! Но давайте положим руку на сердце спросим себя: а все ли двадцать миллионов чувствуют и ведут себя хозяевами в стране, заботятся ли, рачительно ли хозяйствуют? Каждый ли смело и принципиально воеует с бюрократизмом, рабством, браводелами, со всеми, кто мешает нашей жизни, нашему движению вперед и об этом шел на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС большой разговор.

Высокий партийный форум открыл перед всеми нами огромный простор для применения своих сил творческой инициативы. И прокладывая рядом с отцами и старшими братьями новые трассы в тайге и горах, раздвигая все новые и новые тайны космоса, возводя новые города, новые заводы, новые дома, комсомолцы и вся наша советская молодежь знают, что каждая трудовая победа, каждая победа над бюрократизмом, рутинной, нечестностью, где бы она ни была одержана — это победа будущего и победы нашей коммунистической над империализмом, это победа светлых сил мира над черными, изверженными силами войны и разрушения.

— 1962 год сдал свое уату.

Мы отравляем в историю год, когда империалисты в своих попытках задержать поступательное развитие социализма, задержать неустранимые пороки колониальных народов к свободе и независимости, воевали с мир на грань войны, едва не опротивили человечество в испепеление пламя термоядерного пожара.

И только спокойная мудрость нашей коммунистической партии, первой заветов Ленина, только ясность и основанная на высоком чувстве ответственности перед человечеством политическая позиция Советского правительства вырвали фанал войны из рук безответственных авантюристов и поджигателей. И в этом предотвращении мировой катастрофы огромную роль сыграло то, о чем шла речь на ноябрьском Пленуме Центрального Комитета КПСС, — то есть то, что делает нашу страну политическим могуществом, раст экономикой всего лагеря мира и социализма.

Еще одним годом мы встречаем в сплоченных рядах ленинской партии строителей коммунизма год ярким ленинским знаменем.

И треть человечества развет ряды по нашим головным колоннам.

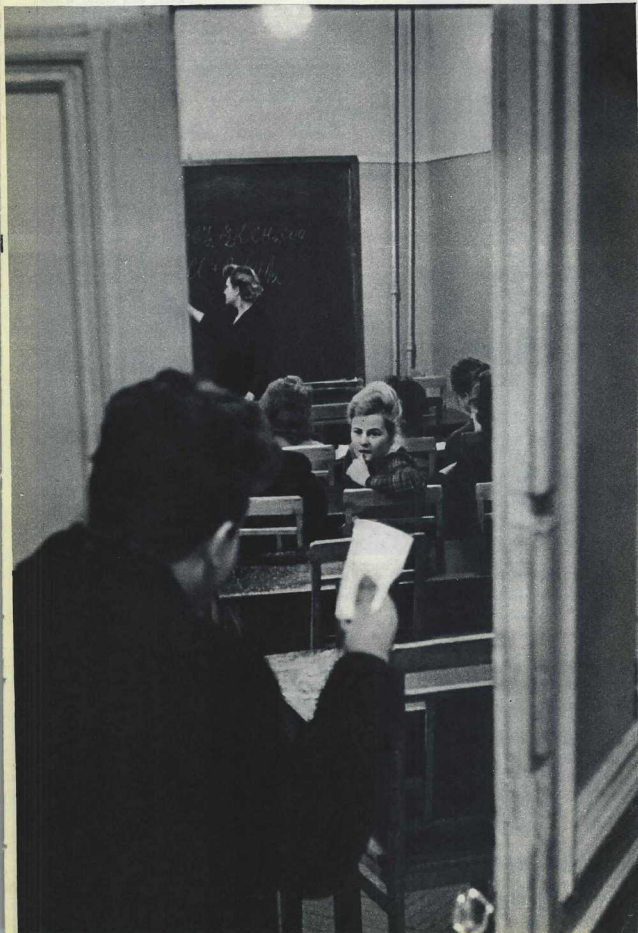
И нет твоего уголка на земле, где бы угнетенная и униженная коммунизма, она ни обрадана, уверенно глядит в глаза своему будущему. Она отравляет в историю прошедших 1962 год как своего друга и встречает новый 1963 год как своего союзника и соратника в борьбе за коммунизм.

Пусть же новый, 1963 год подарит нам, советским людям, боевой советской молодежи неисчерпаемую радость и вдохновение мирного труда. Пусть же человечество встретит его как год мира, год дружбы и доверия!

120 ОКОН СВЕТАТСЯ СЧАСТЬЕМ

Виктор ЛЕВАШОВ

Фото Григория ДУБНИНСКОГО.

В этот дом новоселы не выпускали кошек. И этому дому не съезжались грузовики, доверху наполненные домашним скарбом, и дюжие грузчики не вносили пузатые комоды восточных времен и шкафы-мастодроты. Нет, сюда приходили чаще всего налегке.

Вот двое. На двоих — один человек.

Они поднимаются по лестнице, медленно идут по широкому коридору. У одной из дверей с табличкой «112» остановились, и он, заметно волнуясь, вставил ключ в замочную скважину.

Первая комната! Самая первая комната в жизни еще очень юной семьи! Долго-долго будут вспоминать Слава Чернов и Ира Вощук, а виноват, уже Слава и Ира Черновы, эти первые минуты в своей миниатюрной квартире: как стояли они, молча осматриваясь, сдерживая волнение, еще не веря, что все это — радостных тонов обои, светлое окно, стальные шкафы, в крошечной прихожей сверкающий никель иранов, элегантная электрочайник, — все это их, их первое жилье...

Ирочкин стук... И на дождавшись ответа, вскинутой головой появляется в двери.

— Привет, сосед! Целуется Ирину, не смущаясь. Я насчет хлеба, забыл купить. У вас, видать, тоже нет? Ладно, сам сбегать. Заодно и вам могу купить. Благое, черного?

Снова стук, и снова голова в двери.

— Только въехали? Здравствуйте. В кино пойдете? Как раз миду за билетами, могу и на вашу долю...

Этот дом — дом гостиничного типа на 15-й Парковой улице, рядом с Измайловским парком, несобачен не только по расположению комнат и устройству лестничных площадок: он несобачен по духу.

Сильно еще в Мясные ряды, где люди, живущие на одной лестничной площадке, не знают даже, как зовут соседа! А здесь все по-другому. Здесь знают не только имя соседа и его профессию, но и то, чем он занят. Здесь человек, попавший в нежданную беду, не останется с ней один на один.

Нам рассказали об одном эпизоде, произошедшем в первые недели после заселения этого дома. Марину Андрееву оставили в коридоре невнятный светловолосый юноша. Слава, внимательно глядясь в ее усталое лицо:

— Меня Арнадием зовут. С Метрострой, проходчик. Вон моя дверь, вторая от лестницы. Я вот хожу, смотрю на вас. Трудно одной с малышкой-то?

— Ирочка, я получила ордер! После лекций все-даемки!

Марина сначала нахмурилась: с какой стати незнакомый парень вешивается в ее дверь! Но голос Армадия был спокон, добромелателен, на лице искреннее и сдержанное участие. И Марина рассказала, что никак не может добиться перевода дочери в детский сад поближе к новому дому. Приходится вставать затемно, ехать полтора часа на двух автобусах и метро.

Через день Армадий пришел в районное комсомольское отделение. — Такое дело, ребята, нужно помочь, — зарочивал он свой рассказ. — Обязательно и когда уже все было улажено, кто-то заинтересовался.

— А ты кто ей, родственник?

— Сосед. Просто сосед. Да нет, не просто. Привычное слово «сосед» здесь начинает приобретать новое звучание: это уже не просто «сосед», живущий рядом, а твой товарищ и друг. И как-то по-новому оценивать конструктивные особенности этого дома у Из-

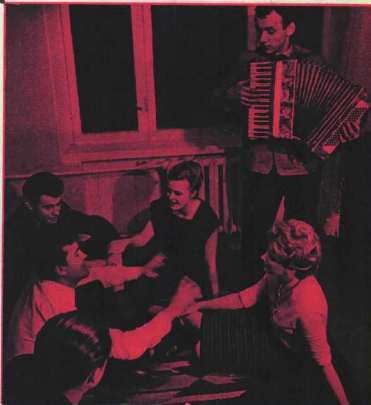
майловского парка. Он представляется большой квартирой, в которой живет дружная семья. И планировка тут же становалась, клуб, парникова-орская — все это строит прежнее наши нормы коммунального житья-бытья. Здесь за общим столом можно будет пообщаться и позавтракать, сообща отметить день рождения, встретить праздник. Архитекторы ввели в свой проект важный элемент — дружеские отношения между теми, кто будет здесь жить.

Мы вышли на улицу и оглянулись на ярко освещенный изадретым окном. За каждым из них — своя жизнь, своя судьба. И вместе с тем весь этот дом — одна жизнь, одна судьба. И хочется сказать этому дому: человеку с пытливыми глазами физика, чуткой душой музыканта, умным и сильными руками строителя, шофера, толкатора.

— Счастливого новоселья тебе, друг! Веселья праздников, счастья и новых успехов в новом году!

Как и полагается, на новоселье пришли друзья... И никому не случается, что в комнате нет еще столов и стульев.

Первые хлопоты в новой квартире... Первые заботы... Первые огорчения: не работает душ. И тут Черновым помогли соседи Михаил Душин и Николай Тихокозов.

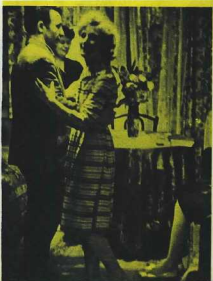
Но не только в семье Черновых поселилось счастье.

Стеклодуву Валентина Душина еще не видела своей квартиры: — Жду мужа, он побежал за ключом...

— А мы старожилы, въехали три дня назад, — сказала нам тачиха Анастасия Королева.

У токаря М. Зайцева сегодня тоже новоселье.

Плотник Валентин Давидов горд: — К этому дому и я руку приложил, сам строил его.

Давайте познакомимся со счастливыми соседями Иры и Славы...

Связистка Нола Кривошей
пригласила:
— Заходите, посмотрите,
как я устроилась.

В квартире буфетчицы Ека-
терины Изоговой—разговор
о боксе.

Работница фабрики хим-
чистки Валентина Кутулина:
— Это такое удобство —
горячая вода в кухне!

Стрельщик Николай Ти-
мошков — заядлый охот-
ник.
— Ну, береситесь, зайцы!

Имя Юрия Ряшенцева почти неизвестно любителям поэзии. Молодой преподаватель одной из московских школ печатался мало: небольшая подборка в «Октябре», три стихотворения в «Юности» — вот, пожалуй, и все. А между тем стихи Ряшенцева заслуживают большего.

Настоящая поэзия объяснений не требует. Прочтите стихи Юрия Ряшенцева, и вы познакомились с интересным и своеобразным поэтом.

УТРЕННЯЯ ТИМНАСТИКА

Утру, казалось бы, нечем порадовать: небо — исправный, надежный ушат. По радио слышен рысь. По радио людей уговаривают дышать.

Мы дышим, друзья, успокойтесь, мы дышим, мы наших соседей дышане слышим — они разминают сонливое тело. Стекает секунды. Их мало — в обрызг. Пора начинать повседневное дело, обычное дело — свершение чудес.

И все чудеса просыпаются тоже. И белое здание, вытанула шипка, не спит — флегматичную тучу тревожат...

А дождь измельчал, превращается в пыль...

И фауна города вдруг оживает: автобус рычит, проползают трамваи, и мрзачен рогатым троллейбус, который рогам заплутался в зарослях флоры.

Столбчатая флора: столбы, провода, стволы фонарей, никогда-никогда не гаснущий бог астротай, автовор — трехцветный цветок городов — светфор...

Дышите, соседи, машите руками... Вот утро — ему повторяться веками. И запах листов... И погода такая... И слышны капли по стеклам стекают...

Скажи, разве может сырое несчастье подвигивать на влюбленного в Мир Эрот, делающий гимнастику под руководством методиста Семенова!

СОЛНЦЕ

Южные июльские луча пламя, ветки вверх — сдаются, сдаются тополя. Тенной позолотой тело золоченно по этой ли заботой

ОХОТНИК

ЮРИЙ РЯШЕНЦЕВ

солнце озабочено!.. Дойти до сердца пробует, волнуется, наверное. Как горяча ты, проповедай светила вздохивового!

— О люди, вот вы сушите на мне свое белье, и моршю, что сушите, но, люди, вы же лучше в моей системе слушатели, — услышите же эту проповедь, поймите же ее. Делить часы на ночь и день, в каждый день — на свет и тень, — да разве в этом суть!

А в кровь к мальчишкам — к этим, к тем — не надо заглянуть! А угонуть и исплыть в глазах у женщины молодых, а у влюбленных в голосах заветных на все лады не надо разве!

А потом войти в рыбацкий ветхий дом, луч, как руки, положить на плечи старика, который думает, что он умрет, вот-вот умрет, сказать, шепнуть ему, что жизнь — навеки, на века, что море вечно поет, что вечны валуны, что Васяка, точно скиф, пасет гварде табуны...

Коршун солнце слушает, десятый век паря. Весело сдаются, сдаются тополя! Над морем ветры солятся, а над ветрами — солнце свой человеческий, вышший свой свершает пилотаж, лишь между прочим высунув кулапылик морской ваш...

Не бойтесь эффекта — рисуйте, пойте, скажите о живом человеке, не умершем, побольше хорошего, самого разного: что он и добряк, и товарищ, и уминица — все то, что о нем, все равно будет сказано в его присутствии после, по смерти, когда, на последние из возвышений поставлен, холодный, как сам яварей, лежит он без мыслей, молчит без движений, когда сослуживцы, друзья и семья от педагогических соображений свободным врзас осознать себя. Не бойтесь, пойте, рисуйте, скажите! В его пониманье любви и труда

напокечки собственной веры вложить. Кто знает, что может случиться тогда... Кто мне поручится, что может случиться! Бьет может, он ночью к вам в дверь,

постучится, чтоб вы до зарни восхищено и трезво услышали книгу, что нам — до зарезу... А может, он книгу и не принесет, а чье-нибудь счастье возьмет да спасет, а может быть, жизнь. А бьет может... бьет может... бьет может, и воще он смерть уинтожит. А если такое и не по плечу, то смерть не убьет его тоже — вынчю!

Смотрите, как люди щедры и решительны, как жертуют жизнью, как снова рождаются! Скажите им правду — они удивительны! Не бойтесь, скажите, — они не зазнаются...

Татары, казаны уральской породы, вверн, цыганы [возможно вполне] и кто еще знает какие народы сосуществуют по мне.

Я этот вопрос не исследую. Я качества молча наследую.

Но скоро Земли кругобочая масса нас вымечет на межпланетные тропы... Вывальте! Морщинистым медиком Марса положена кровь моя под микроскопом.

О, как изучается снова и снова наукой заоблачных стран кровь племена, буйного и озорного, горячая кровь земляни! И в «Классическом движнике» появится первое комюнкто: «Свершилось! Ученые Марса смогли решить вековую загадку Земли!

Земля получает тепло от людей. Леса потому зеленеют на ней, хлеба и вино потому созревают, что Землю земляние собой согревают. Пока им, горячим, несмысличим, жить планете Земле не из что не остыть, не смогут замерзнуть те наши — иные — зеленые реки и травы земляные.

Потом в марсианском Дворце Наблюдений, над линзой согнувшись дугою, один молодой, начинающий гений чуть слышно шепнет другому: — Да-я, расы не сироще. А ну загляни: он был сгосторванней земляни.

И ЗА СВЕТОМ

Я в мире многого не понимаю
и, не понимая, не принимаю.
Позорно
ради денег крови литься
и людям насмерть биться.
Что за бред!
Ведь золото земли:
луч, несия и листья,—
а где серебро ее:
лисицы, лед и лунный свет —
настолько звонче мелочам монет...

Вот этот добрый завет
до самой смерти слушать,
копать, как скряга, надничать, хранить,
и звоном переполненную душу
однажды взять
и людям подарить...

В каменные стены дворик врыт,
сверху серый, зимами небом наглухо закрыт.
У дворика беснежного, асфальтового дню —
небо им в подробностях отражено.

На юге, льдянами суча, февраль идет ко дну.
А я хочу вот здесь, сейчас предугадать везну.

На этой ветреной земле я так хочу уметь
в железном слышать феврале ручье
апрельских медь.

Тогда друзьям несдобровать:
я буду, как шальной,
к ним в злую стужу приставать
с открытой мной весной.

Пусть чинят старое велико
на мокноту вургу.
Пусть вращают в новое тепло,
рожденное в снегу.

Осинки в зелень облачатся
и станут лесом.
А ты не знаешь, что случится
Вот этим летом!

Возможно ли,
чтоб вновь лучился
ночь забытый
и чтоб при этом не случилось
милion событий!

Смотри: безудержно веселим,
бессонным
становится лучистый воздух.
И солнцем
от каждой яблон добыто
по дыму.
Не спи: скорее, чем обычно,
подымут
восстание против тьмы рассветы!..

Бьют аэмет, именно тогда
ракеты,
файрч, начнут с землей прощаться,
чтоб вскоре
по алясочному шоссе промчатся,
как кони,
в космической пыли и в мыле.
А послезавтра
глядись, дал дуба предпоследний в мире
колонизатор...

Как в исполнение желаний,
я верю в это
в общественном и личном плане
большое лето.

..Еще вполголоса
ронь над рекою
всю ночь поет.
Бьют аэмет, и с тобой такое
происходит,
и ты не сможешь спать ночамим
и у реки
начнешь, вполголоса вначале,
копать стихи...

От новых слов до новолуний —
все вперед.
Мы — накануне, накануне!
Летят дожди,
которых мы еще не знали.
Зовут моря,
которые еще не звали
к себе меня.

О новорожденное лето!
Листва отчетливая,
и небо, как графа аэметы,
строиком прочеркнутое.

У города Конаково, в сосно-
вом обору, на самом берегу
Волги, началось сооружение
крупнейшей в Европе тепло-
вой электростанции.

К оноваская ГРЭС — не слышали о ней!
Древний лес А в лесу — белый терем огней...
Правда, терема нет,
но машины идут
по земле, что пахнет веками,
по земле, где мельничью ветер рвет
обветренным рукави.

— Слышишь, шофер, не гони, взгляни
на землю, тверскую некогда...

Но юность должна закигать огни
юности некогда!

Мески, наколотый на сосну,
как рыба на гарпуне...
Нет, Конаково,
не возвратишь
тышь
вот этой сосне.
Не возвратишь. Но это закон,
и ты, сосна, не ершишь:
жизнь тыши,
но выше ее огонь,
когда он не смерть, а жизнь.

Про что это ветер!
Да все про метель,
про грунт с позадной крельи
Но юность — такой уж она Прометей —
не может жить без огня!

Да будет закон:
веселого, мыши, не зли.
Добудем огонь! Добудем огонь!
Пусть даже он под землей, огонь,
добудем из-под земли.

Земля согревается жаром серце,
дымьяна людских побед.
Да зарастает то,
что свершилось,— Доерей,
где будет хозяйном Свет...
..Им вечером как-то поимет сосна,
на заре, на древнерусской заре:
нам тышь не нужна,
но нужна тишина —
иногда, как всем на земле,—
чтобы послушать,
что скажет трава воде
об утонувшей, свершилась с небес, звезде,
что в тишине над бессонной водой, высоко,
амуру раз нависага
с ума сместь,
юность должна ж закигать огонь
в другой, во встречной юности...

Машина спешит. Ночь — хоть выключи глаза!
Озота за светом уже начался.

О Тверь моя сказочная,
это ты —
и огненные мечты
и мески, бьющийся на сосне,
как рыба на гарпуне...

Стрелка прыгнула на городских часах...
Краски в смертный бой вступают в небесах,
и один из них завалит небеса,
и стрелки и умрет... Все — в полчаска...
Вот пришли газеты: в Африке война...
Позвонила ты, сказала: я больна.
Старый друг мне не писал.
Он неурт неспал.
Он ее нашел,
сейчас ответ пришел —
на сиром листке летящая строка...
Полчаска... Их в сутках больше сорока.
Кто сказал, что жизнь людская коротка!

Я сказал.
Не перестаю повторять:
не устану жить и людям доверять,
находить друзей и там, где их не ждешь,
слушать дождь, такой раскосый светлый
дождь...
Краски, дерзкие, как хищники в лесах,
краски, робкие, как шорох птиц ночью,—
видеть их, и понимать, и помнить их
не устану...
В древних деловских часах
Время иронически хрипит...
Жизнь в моем любимом городе юности!

ЗИМНИЕ ПРОСТОРЫ

Январь — самый настоящий зимний месяц. Иные скажут: февраль лучше. Но февраль — значит другим чувством, февраль — и весна ближе. А в январе — зима и зима, морозы и морозы, снега и снега, и наметает, так будет всегда...

Сейчас хочется очутиться там, где избы в сугробах, дымни над иршами, старые березы в инее, заметенные дорожки, а вокруг — белые безмолвные просторы — поля, леса и перелески, где в маленькой деревне живут знакомые хозяева, простые и приветливые русские люди.

И вот едешь в вагоне местного поезда. За окнами ранняя зима тем, на стоянках вьется с входящими людьми из тамбура проносятся студеное дыхание холода, колеса перестукивают, унося тебя куда-то в морозную неизвестность ночи...

— Сосниваешь с подножки на крутящийся снег и словно проваливаешься в ледяную тень. Поезд ушел, мигнули задние красивые огоньки и скрылись за поворотом, а ты остался на маленьком полуострове, окруженном иршами, ридан черных елей, застывших под лучей, жестких и неправдоподобных, как декорации.

Торопишься, почти бежишь по пустынной дороге. Там одиноко в этом холодном, оцепеневшем мире, но и так красиво среди голубого сияния фосфорически сверкающего снега, среди зимней ночной тайны с непонятными лесными звуками, призрачными силуэтами деревьев и кустов.

Час спустя выходишь из леса в поле. Впереди угадывается знакомая деревня. Ни огонька, ни звука, все спит, лишь сонно залает собака да пророчит ослицины голосами первые петухи. Переожди разгоряченное дыхание и осторожно ступишь в темное оно избы.

Утро приходит в холодном сумраке. За ночь изба выстыла, и не хочется подниматься из блаженного тепла постели. Но уже потрескивают дрова в печи, сильный дым полновесно висит в воздухе. А хлопотливая хозяйка, теть Саша, уже давно встала и все приготовила: споро шипит сковорода, на столе появляется блюдо с дымящейся картошкой и бронзово-красные солонные огурцы с прищипками к ним ледков.

А потом прилаживаешь лыжи — и на весь день.

Проходишь перелесками — они все небольшие и узкие, — выходишь в поле, спускаешься вниз к реке — стога стоят с белыми шапками-иршами. Не сразу расплывается матовая морозная пленка неба, но вот появляется солнце, и уже небо чисто-голубое, и тени на снегу голубые, и звезда чистая, нарядная белая.

В поле у соломенной скирды выщипует леса, становишь подходить баню — настоится и ледник затрусит к лесу, оставив четкую

немыслимую низку следов. Пуганый зацв вскоплет, далеко слышавший сирин лых по насту, и долго проношавший его азгладом, а иначе он мчит, как угорелый, но, заметив, что нет погон, присядет среди поля, посидит, повозит ушами и посчитает дальнью. А первой радостью вздрогнет заклишая знакомые журчащие звуки, словно ручеек Феникс, — терется черными гроздыми унизали березу и борночут, подставив зобы солнцу... Но не часто встретишь дичь зимой, видишь все те же снежные просторы, загарованные мушкетерскими — усладительное одностороннее змимых мотивов.

Солнце и в мороз светит греет, чудственно что влетает на ценах, но оно стылжало и робко, зимнее солнце, а вокруг бесконечные снега, и не верится, что когда-нибудь оно спадает с ним — зимой весна всегда кажется отдаленным чудом.

Зимней день, недолго в путь уже сморзнется, огляннется — поля пролетела, Солнце уже кончилось и зануто, гудит его загустела, снег стал золотистым, тени из голубых — темно-синими. А потом начинаю alone солнце подвигаться, и влики, снег зарозовел и выплывает, и все быстро начнет синеть.

Зимние просторы. Они заманивают и затягивают. Новые леса, новые поля, новые деревни. Так весело узнавать новое!

Пришла мой друг, и мм, обрадовавшись встрече, ушли на охоту, забравшись все дальше и дальше, и залупались. Дым морозный, небо было серо, и вечеру облака разнелю, холодно свернуло солнце, потонуло на море.

Суверии застали нас в лесу. И тут у одного из нас сломалась лыжа.

Кое-как выбрались на дорогу. Куда идти, неизвестно: кониаса нет. Идем наугад. Без лыж шагнуть по дороге легко, Стенило. Мороз заметно крепчает.

Когда устанешь, и стремишься поскорее достичь цели, путь становится невыносимым. Мороз не дает передышки, подвигает и шлепает дыханье, сводит руи. В лесу еще ничего, а в поле существовший изморозный туман обволакивает, разгонит. А одеты мы легко, по-июнью.

— Слушай, вставай на лыжи и гони, ты легче сдешь.

Но друг вместо ответа бросает лыжи.

И мы идём час и другой, потеряв счет времени, в напрасном ожидании конца пути, а мороз заставляет все твоё существо безвольно сжиматься, мысль — цепенеть. Но нас двое, а вдвоем все не так страшно, и мы идём, ища, куда по-спирнуемому снегу, затерявшись малинии фигурами на поле, а в тумане, среди ночи и холода.

Вперёд и вперёд, не устанавливался, иначе замерзнешь. Конечно, мы сблизил в тумане с заметной дорогой и, проваливаясь в снегу выше колен, брели наугад, и снегу казалось, что больше нет сил двигаться, провала последние надежда, мы увидели огонь, давящийся по полю. Это был дым. Имя с нероссиаиями Фомарев, вышедший нас развяснить.

Говорит, что зима однообразна и вычуждена. Но мне кажется, есть в ней что-то бесконечно привлекательно, бордов, простое. Неприятности и раздражения, но все они исполнены такой чистоты, такого ослепительного сияния в солнечные дни, такой мягкости и успокоенности а дни пасмурные... Нет в зиме восторженности, но есть в лучшем ее динх тихая радость — радость чистоты — простора.

Нынче слышат, что лучшая зима все же а февраля — месяц чудесного солнца и чудесного лыжного сияния. Не спорю проясняет февраль, но он месяц пасмурный, февраль — и весне ближе. А в январе просто — зима и зима, морозы и морозы, снега и снега...

Мих. ВЛАДИМОВ

ЗАБОРЫ

Стоят.
Оружая садм и жыале,
Заборы, как гривы,
За которой — змюзе.
В которых зарделаны щёлки,
Чтоб в них величавый
Не вылоали кривоноги.
Заборы — а «комюлексы
И в битом стекле.
Заборы.
Замки
На железной петле.
Забора-зиторы,
Забора-утоксы.
В них столамо уроблено
Камы и теса,
Что, если разобраны букут заборы,
То можно из злот
Выстроить город —
Просторный,
Зеленый,
Прозрачный,
Сказовой.
В котором не будет оград,
Ни одюво!

Иван НИКОЛУКИН

РАБОЧИЙ КОСТЮМ

В углу, где света мало,
В пятке серых дум,
По вечерим устам,
Вылетает костюм.

Он за день так измаян,
Он рад а углу привалеть,
Когда его хозяин
В сенях снимает с плеч.

Живет своей безропотной
Он жизнью трудовой,
Немной, нестремляной
Нет нитки ни одной.

Он опален лучами,
Ветрами он продут,
Беднота, и вочами
Ему все снится труд.

Он горд, что создает,
Да только, вот беду,
Его не надевают
На праздники никогда.

Его терзает дума,
Он спрашивает их:
Неужто есть костюмы
Для праздников одишк?

Ах, как ему обидно
До нитки до одюво,
Не заслужил он, видно,
Почетный выходной.

Ариадий ЛИГУН

СПЯТ МАЛЫШКИ

Спят малышки, набегались досмоте,
Начитавшись, свалившись устало.
Руки их бесположно разбросаны.
Но им снится не шипле мушкетер.
Руки их бесположно разбросаны.
Что-то уносит гонимые губы.
Они снятся себе не матросам,
А морякам арики Кубы.
Снятся Куба... Вершины дымаем.
Сквозь облыам — далекие выстрелы.

Юрий СБИТНЕВ

РОДНИКИ

Василию Федорову.

Меж кушмер и молока,
В зерной урочище тайны,
Свой путь похмелья ивианюют
Силой жалкой родники.
Они баюкают, качают
Жеркоговомые преты,
И вылетят горьким Иван-чаем
От родниковой той воды.
И даже ступало змюзо.
Когда кругом света и ламд,
Росою нахлест и землеко,
И солонец пакнет от воды.
Вот так и в венсах у поста,
Как у истоков родников,
Пахнет болотным и добрым летом
От восточных русских слов.

КОРОЛЕВЫ МОЕЙ ЮНОСТИ

Вам далеко а тридцать,
И Любочки и Верочки,
И нас по тридцати:
Все «девочки» да «девочки».

К жару, к труду привычные,
В шесту горьким, длочки,
Также вы обычные,
И Любочки и Верочки.

Не адуго вы мною встречены,
И а труде дельных от,
Нас породила навеко
Наш цех и наш завод...

Сатиновы юбочки
Померх сухонных брюк,
О Верочки и Любочки,
Вы вспоминались не адуго.

Я помню ваши шапочки
В коску лучах огня
У печи, но у печи
Вы встретили меня...

Вы палы королевами
Средь огненных стихий,
И краши каравеллами
Пролазили в стихи.

Косынки адуго короны
Казались мне порой,
Каблени вини — трюнами,
А цех — весь шар земной.

Но после смелы каждой,
Казалось очень страшным,
Как королевы жадно
Из кружковой и ставком
Пьют воду. И привычно
С лица стравот пот...

Он был совсем обычным,
Наш цех и наш завод...

В колхоз «Красный луч» близ Ташкента я пришла на несколько дней. Вечером, будучая по незнакомым улицам узбекского села, я вместо правления колхоза попала в школу, где временно устроен общежитие. В комнате была одна девушка. Она сидела на кровати, ступая ноги под одеяло, и ела лешушку со стуженым молоком. Мне весьма неожиданное вторжение нисколько не удивило ее.

— Все на хлопке, я в дежурная, — сообщила она. — И ешь я большая. Хотите лешушку?

От лешушки я отказалась, но она и поболговала: а кто же все-таки она и кто все остальное?

— Я — это Наташа. А остальное — наша бригада. Мы здесь работаем от нашего института. — Девушка покосилась на мою стирку глазами и добавила: — Сегодня меня в штабе ругать будут. Вот. Она обхватила ложечку, спрыгнула с койки и босиком, смешно притаптываясь, пошла к комнате.

— Мне скажут: Урзамова Наташа, вы собрали за неделю только девятьсот килограммов хлопка! Почему вы так плохо работаете, Урзамова Наташа! А я скажу: я совсем не виновата, товарищи, а сама не пойму, почему я собрала так мало. Они не поймут меня, они будут очень злы и отправят меня в Таджикист. Впрочем, вы тоже ничего не поймете. Вот и я сейчас ваду в штаб, и если вы вправду ищете правление, а не наших девушек, я провожу вас. Идете!

Наташа качнула свой странный тазик и стала обуваться. Через минуту мы выгнали по темной улице.

— А вправду, почему вы собираете так мало, Наташа? — спросил я. — Интересно просто, честное слово.

— Не знаю, — отвечала Наташа. — Не хочется.

— Настроения нет?

Наташа перестала смеяться, брови ее сошлись.

— Все есть, но... Вы, кстати, не видели нашего начальника штаба в Кадыр? Он очень красивый, а сегодня будет ругаться. Я очень не хочу, чтобы он ругался...

Какие-то жалобные нотки вдруг прозвучали в голосе девушки, и я поспешила переменить тему:

— Много здесь народу из вашего института? — Около тысячи. Только в разных колхозах.

А штаб наш здесь, в правлении «Красного луча». Колхозники называют нас «орудочья», «Иборачья» — это ты, кто в трудную минуту приходит на помощь. Вроде «помощники» по-узбекски. Ну, вот мы с вами и добрались.

На дверях крупными буквами написано: «Штаб института».

Девушка замерла перед дверью и с трудом умылилась:

— Сейчас вычтется...

Штаб заседал поздно вечером. У него было много дел. Лесь, секретарь штаба, записала svolto за дня.

— Сколько срочных? — спрашивала она. — Пятдесят три кнопа! Да вы, химик, просто молодцы!

— Молодцы-то мы молодцы, — отвечал химик, — а первое место потеряли, все из-за балного дня.

Кадыр сидит на своей койке, молча смотрит на входящих, а думя его далеко от этих мест. Он числится уже в отпуске, строил всякие планы вместе поездкой в Москву, когда его вызвала партгорт институту.

— С хлопком беда! — услышала тогда он. — Урожай под угрозой... В общем, собирайтесь, Кадыр, поедете начальником штаба.

— Наверно, — скорее проглотил, чем сказал, тогда Кадыр.

— Не рады!

— Да нет, ничего. Когда выезжать? — спросил он и подумал, что партгорт тоже не обрадовался бы, если у него пропала поездка в Москву.

— Тогда завтра.

— Ладно, — согласился он и поехал в аэропорт возвращать билет.

Кадыр смотрит, как британцы садят веденя и рассаживаются вдоль стен. Усталые и серьезные. Он, Кадыр, не думает о том, что рядом сидит и ждет Урзамова Наташа. Он продолжает:

— Давайте вылезте, товарищи...

За сядет svolto — следующее дело. Обсуждают поступок одного из своих товарищей. Нашлся человек. Раньше он собрал по шестидесяти килограммов, в последние дни — только по тридцати. А позавчера он самовольно уехал в Ташкент и там вылезся. Предлог — месяины.

Начинается обсуждение. Голосов много. Голоса разные. Но вот последний голос:

— Все понятно. Выслуш предложение: просят отправить в Ташкент, а в трудную книжке так и написать: уволен за дезертирство. Да и в комсомоле ему делать нечего!

Обсуждения серьезные. Что скажет обвиняемый?

Встает человек, который пришел сюда вшивой походочкой, с кривой ухмылкой. Все это как будто стрелок хорошей ночнойкой, оставив человеку только благодать. Что ты сейчас скажешь, человек?

Человек: — Я виноват. Не выбрасывайте меня. Я с этого дня честен... Поверьте мне... Товарищи...

Вздыхают на табуретках сидят акды. Раздумье и усталость на их лицах. Что они решат?

— Нет!

— Все!

И штаб минуту раздумывает.

— Поверим, что лжи. — тихо говорит Кадыр.

И голоса, поемалы, подтверждают:

— Поверим.

Все с этим делом. Теперь держись, Наташа Урзамова.

Она встает и во все глаза смотрит на Кадыра.

— Урзамова Наташа, вы собрали за неделю только...

На улице поднята ночь. Затихает кишлак. Блистят в маленьких домиках огни. Откуда-то с горки, где колхозный сад, выкатилась перерезанной дачной лужа и раскололась пополам об острую туцу. А из нее посыпались спелые семечки зледа.

Поздно. На улицах можно встретить только выхваченных за бригадиров.

В штаб, где стоит походная койка Кадыра, прибегают два человека.

— Наташу уже обсуждали?

— Да.

— Что постановили?

— Гнать из бригады в Ташкент. Дезертиры нам не нужны.

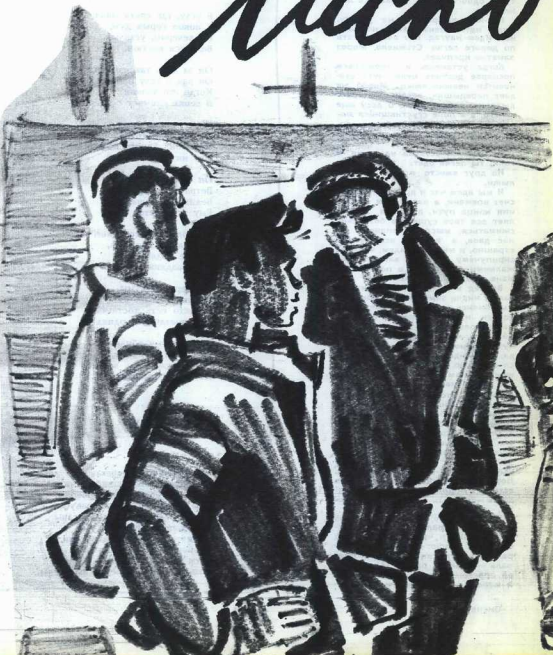
— Кто дезертир? Наташка — дезертир? Да вы не знаете, ведь это же из-за... Э! Впрочем, ладно. Скажите только одно: решение окончательное?

— Нет. Дали неделю испытательного срока. Только на улицах. Гаснет свет в правлении. Всего несколько часов до нового дня. Только вырубленные одиноко сторожат ночь...

Чья-то удюпная тень мелькает на дороге. Кто это? Знаете что, давайте повернем в другую сторону. Пусть человек побудет один.

АНТОНИЙ ПРИСТАВКИН

Ласко

жет, он сегодня найдет то главное, без чего нельзя дальше жить. Не будем мешать, а?

Но вот задумался черной восток, и холодная роса заблестела на гладком асфальте. Небо, как хлопковое поле, распустило белые корочки звезд. Но выгнала зорька и начала обороты убирать звездный хлопок в свой розовый полдник. Четко обрисовались на горизонте далекие горы, и белое утро легло на черепицы крыши.

Два человека стучат в окно школы, где живут девушки.

— Девочки, Наташа еще не пришла? — Тыше вы! Спит она! И что, спрашивается, идут по ночам... Полуночники.

В шесть утра бригадир Камалов подымает голову.

— Ребята, подымай! На пороге стоит Кадыр, подгузнутый и свежий, как всегда. А может, он и не ложился? Это никому не известно.

— Мамаджан, вставай! — говорит бригадир и наклоняется к уху спящего.

— Идй ты к чему... Что? Кто пришел? Навштаба пришел? — Мамаджан открывает глаза и вскакивает. — Тогда нужно вставать.

Ребята, посмеявшись, начинают одеваться.

— Товарищи, а новобранцы наш явились?

— Да, поря. Сколько можно ценоваться!

Кадыр звенит, о ком идет речь. Одна парнишка жавкался в сентябре, а через два дня уехал на хлопок. Получилась почти по-фронтовому. И вот теперь, как вечер, сидит и пи-

шет письмо домой. Одно или даже несколько. У лодной ветер как вечер, а у новобранного — один письма. Тогда ребята по предположению Кадыра организовали собрание и всей бригадой несло поставили:

1. Отпустить новобранного два раза в неделю домой.

2. Каждый отработает в счет молодожена пять трудодней.

3. Сотеснять на свадьбе по окончании уборки.

Вот уже бригада грузится на арбы. Вперед, как ни в чем не бывало, едет Наташа. Дорога пересекается с железнодорожным полотном, и Наташа кричит:

— А я буду плавать! Хотите? Вот смотрите, девочки, как подымает к линии, обязательно падает поезд, и дорогу перекрывает. И я вам спляшу. Поезд падает обязательно, ведь я это хочю! Он должен пойти, вот посмотрите!

И впрямую, из-за поворота показывается поезд. Бригадир Камалов ворчит:

— Фу, черт, как коздулай! Нахлоккало, а теперь сподымем на работу...

А Наташа уже тащует... Чумовая Наташа! Неповинная Наташка!

Ровно через неделю, накануне отъезда, сумка и ситец посылка на заседание штаба. Вопрос стоял один. Кадыр поздравил бригадиря Камалова с первым местом и вручил накладную на премию. На «беговом» переходящего барана, как пошутил кто-то.

— Завтра будем резать, приходите на угощение! — сказала Камалов.

Наутро мы идедем с Кадыром в бригаду, где он должен еще вручить Красное знамя.

В стане густо дымят казны, и каинто-лоды то и дело вылетают с огнем пожара.

— Ахмаджан, почему ты не на хлопке? — удивленно спрашивает начштаба.

— Я резал барана, — говорит тот.

Помимо осматривается, у казаны появляется еще человек.

— Аграм, а ты что тут делаешь? — еще больше изумляется Кадыр.

— Я! Я же барана резал!

Куда и куда показывается Аджара, Кадыр, притупив в глазах смех, спрашивает деловито:

— Послушай, это не ты резал барана?

— Да, я резал! — убежденно отвечает тот и не понимает, почему все так дружно смеются.

Но кто виноват на обед, и шуряная толпа запевает стан. Кадыр выносит знамя.

— Вчера рассматривались итоги соревнования, — говорит он. — Ваша бригада заняла первое место. Мы вручаем вам знамя штаба и благодарно...

Кто-то чмокнул губами, и Кадыр тут же повернулся.

— Да, от него уже чувствовал. Правильно. И жидкого козлованого барана!

Стан взрывается от смеха. Звон перекло мешается с весельем голосами. На змямо стелются менши, подается чай. С другого конца става Мамаджан кричит валавошине:

— Все-таки мы взяли первое место! А вы боялись!

Так ведется здесь от веку — вызывать соседа на состязание гд-нибанду и забавно пля в поле на отдалке и соревноваться в остроты и смекалке, на одобрение и смех слушателей. Навштаба тут же отвечает на вызов:

— Если бы я тебя вовремя не разбудил, неизвестно, что бы получилось!

Люди громко смеются. А Кадыр уже надевает.

— Но я не слышал ответа. Возьмете ли вы в складчину Аджариневку первое место?

Едет баран! — под обрившимся ям своей стороны паррует Мамаджан.

Теперь все ждут ответа навштаба. И он говорит:

— Ну вот, я спрашиваю о знамени, а он мне о баране...

Люди, посмеявшись, встают. Но еще у Мамаджана есть время, и он кричит под восторженный рев своих сторонников:

— Да ведь и в после вручения знамени не очень-то торопились уехать домой!

— Сегодня делаем в честь вашей бригады вечер, — говорит, собираясь уходить, Кадыр. И всем кажется, что он решил не отвечать, соглашаясь на поражение. Но как бы невзначай он бросает реплику, которую Мамаджан и его сторонники не в силах отразить: — Все правильно. Я только не выяснил, кто же все-таки резал барана!

Ай да Кадыр! Победа все-таки он.

Камалов кричит:

— На работу! Знамя вечером понесет тот, кто соберет больше хлопка! Все слышали! Аджаруки, пошла!

Наташа стоит, не хочет уходить. Она смотрит на начальника штаба.

— Скажете, пожалуйста, нам на прощание ласковое слово.

Эй, Кадыр, ты слышишь, что говорит Наташа! Где твоё ласковое слово! Нельзя без ласкового слова, Кадыр! А ты, видимо, забыл это слово!

— Эй, на работу! — кричат бригадир, — Наташа, давай!

— Вот тебе и ласковое слово! — смеются подруги и скучают по тропинке. Но Наташа так же нежно смотрит на Кадыра:

— Ну, скажите, прощай нас!

Видно, ей до смерти нужно именно сейчас услышать это необыкновенное слово. И, может, тогда произойдет чудо, и она сможет все, что Наташа. И Кадыр вдруг понимает это. И тихо говорит:

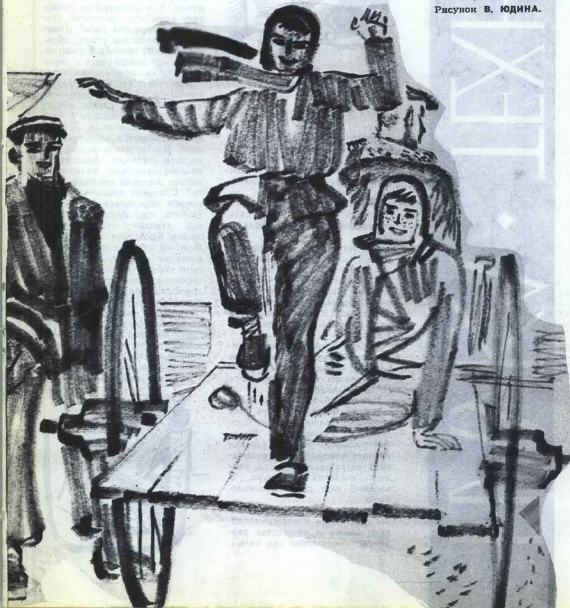
— Пусть, Наташенька, поскорей наступит время, когда весь наш хлопок будут собирать машины. А тебе сюда привезут лашу для того, чтобы набрать для любимого человека росы.

Что-то хочет сказать Наташа, и мнет свой фартушек, и... неожиданно бежит в поле.

Видит он это Кадыра? Кто знает! Но у стою рядом и хорошо помню много она может сделать, Наташа. Она может заставить пойти поезд, когда ей нужно, и она скажет то, что

Все слово

Рисунок В. ЮДИНА.

хочет сказать, большое и главное. Только надо обязательно найти для нее то самое единственное ласковое слово, которого жаждет ее душа. А может, это слово уже сказано?

А вечером готовилась танцевать до зари, а завтра и завтра — обещанные ребег первой бригады. Завтра и сначала ничего не помня: в два ряда выстроилась вся бригада, а сам Камалов командует:

— Раз, два, три!
Ребята старательно и неуклюже верчуют тяжелыми сапогами.
— Раз, два, три!
— Что это?

Камалов на ходу говорит:
— Моя бригада должна до единого человека танцевать вальс. Первое место — это не шутка! И так, продолжайте раз, два, три —!

Словно прокладывает в воздухе, и пол ардебеджит от старательного топота. Только Мамаджан лежит на койке, задрала ноги, и играет на губках «Амурские вальсы», изображая целый оркестр.

Кто-то кричит:
— Девушки идут!
Все бросается врассыпную. Гости сбегают на койки, извлекают из потных мест музыкальные инструменты — и вот уже готов оркестр. Скрипка, рубак, что-то вроде мандолины на тубекской ала, и маленькая свирель, которую здесь зовут «най».

Сперва оркестр исполняет «Ватан» — марш, то есть марш родины. Потом под общий свист черноволосый урбек поет песню о нерадивом хлопкоробе:

Юноша просит начштаба:
— Отпустите, пожалуйста, с клоном домой. Отправляю говоря, порвались клоны, и испортились лезвия для бригад. А еще и соскочился по матерю. Но что еще не все, ай-бугу! Видь у меня обгребались рукава, и, главное, вот тут и тут болит. Начальник штаба сказал лишь: — Понятно. И отправил ленивого в поле!

Так заканчивается песня. А знаете, как она возобначает? Когда в прошлые годы ребята ехали на склоны, некоторые пробовали затопить. Они подходили к Камалю и под разными предлогами просили отпустить домой. Начштаба собрал все эти причины и написал текст. Песню сразу же подхватили: она ведь получалась забавной. Исполнял ее, певец глядел на человека, который недавно пробовал симулировать. Если его «спричана» не уловимаешь в песне, не тут же добавляешь в текст другие, к полноте достоверности складывая.

Когда оркестр начинает играть анджакскую поэмку, выскакивает Наташа. Зригид сидят в ватниках и кирзовых сапогах. Но об этом никто не беспокоится. Танцует Наташа. И, глядя на нее, я снова и снова вспоминаю то, что увидела сегодня днем. Это было удивительное зрелище.

Через весь кишлак по центральному шоссе двигалась группа молодежи. Впереди шла Наташа. Далеко, эта самая Наташа, и всего несколько знамен! Как гордо, как уверенно они шли! И впереди была Наташа!

И вот она танцует. Тонкая и красивая, победительницей проходит она по кругу. И нет уже в танце того буйного отчаяния, как тогда, перед поездом, на передаче. Идет другая Наташа и совсем не боится пригласить на танец начальника штаба Камалю.

Теперь его очередь смущаться, его очередь говорить, что он уносит только командовать.

Камал разбегается, ловко входит в круг, откидывая на ходу темные волосы. Он ответил на приглашение. Он идет за Наташей, доверчивый и покорный. А Наташа! Она вскинула голову и не скрывает уже ни от кого своего счастья! Об этом рассказывают ее руки, и улыбка, и глаза...

Чем ты отыщешь ей, дорогой начальник штаба!

Впрочем, может, этот разговор только чудится мне. Может, еще мимолетно, еще несколько тактов — и я все помню. Но мне не случалось видеть описанной сцену. Я еду к себе собираться, так как должен сегодня же уехать. А вслед мне еще долго звучит красочная, дробная мелодия, по которой девушка из Ташкента танцует свой ставший танец...

Если бы годы имели зыблемы, 1962 носил бы в петлице изображение космических кораблей. Групповой полет А. Николаева и П. Поповича, ставший полетом-легендой, вобрал в себя все достижения культуры, науки и техники XX века. Но не успел еще год уйти в историю, как в просторы вселенной ворвался «марсиан» и сегодня стремительно движется к красной планете, чтобы ответить на тысяч вопросов, издавна волнующих землян.

Мы приносимся перед гением советского народа. Мир восхищается им. Международным признанием успехов советской науки является присуждение Нобелевской премии советскому физика академику Л. Д. Ландау.

Но эти выдающиеся достижения опираются на колоссальную созидательную работу, которую ведут сотни и тысячи ученых, инженеров, изобретателей. Коллективом изобретений, сделанных за год, можно довольно точно измерять богатство интеллекта и талантов народа. За минувший год в Государственный реестр занесено 12 тысяч советских изобретений! Это значит: три года нашего технического прогресса равны столетию дореволюционного развития тогдашней России.

Мы попросили журналистов Ирину Радунскую, Галину Марченко, Бориса Зубкова и Евгения Муслина рассказать читателям «Смены» о некоторых записках, появившихся в их блокнотах в 1962 году. Это, вероятно, не исключительные явления в нашей науке и технике. Но они в какой-то степени отражают их многообразие.

Клей держит

плотину

Сорок пять миллионов кубометров сборного железобетона поучит страна в 1965 году. Если бы строители захотели осуществить самый оригинальный космический проект, то они могли бы из этих железобетонных деталей соорудить небесходящий туннель... Земля — Луна.

Но вот стыл... Он требует усилить целой армией сваринок, изоляторов, кончаточек. Он нуждается в тысячах сварочных трансформаторов, сотнях и тысячах километров электротрабелей и проводов, а железнодорожных бустов аэктродов.

Долой сварку, будем соединять железобетон и бетон клеями, — таков смысл изобретения доктора технических наук Н. В. Михайлова.

Цементный клей-паста наносится на место будущего шва кистью или распылителем. Простейшая технология! После схватывания место сцепки прочнее монолита. При испытании разрушались детали, реалась стальная арматура, а клееный шов стоял непоколебимо.

Проектные организации страны приступили к конструированию плотин и множества различных сооружений снй клею.

МАГНИТНАЯ СТУПКА

«Как ни садитесь, все в муз-звонит не обидеться — такова мораль известной басни Крылова. Однако нередки случаи, когда изменение взаимного расположения вылет за собой самое различное преобразование.

От величины и взаимного расположения кристаллоидов в значительной мере зависит прочность металлов. Любопытный пример на фронте борьбы за прочность сделал недавно доцент Московского института стали и сплавов М. И. Бернштейн. Его изобретение позволяет повысить прочность стали в полтора-два раза! Дешевые уваровиты стали, обработанные по способу Бернштейна, смогут соперничать с дорогостоящими легирующими.

Известно, что любое ферромагнитное тело, помещенное в магнитное поле, само может свои размеры, «выдвигая» в каждую измененную поля. Это явление называется магнитоstriction. Изобретатель решил поместить стальную болванку в мощное магнитное поле, измеренное многими тысячами эрстед. Стальные кристаллики начнут выдвигаться, толкаться и дробить друг друга. «Магнитная ступка» стират кристаллы буквально в порошок. Поэтому сталь становится значительно прочнее, сохраняет свою эластичность, пластичность. А значит, изделия из нее не будут хрупкими, ломкими. Коэффициент запаса, который инженеры образно называют коэффициентами «неизнания», можно будет намного уменьшить. Магнитная ступка — это быстроходное, мощное и телевизионные башни — аэродромы, тракторы и комбайны — надежнее.

НАША ЭКСПОЗИЦИЯ

ГЛОБУС

Выходит
один раз в месяц
№ 12 (32)
Год издания 3-й

ДЕКАБРЬ 1962

БЕДУ НАРОДА ЧАЩЕ ЗАСТАВАЮТ ПОДАРИ

НОВОРОЖДЕННЫЕ ПОДАРИ

СЛОВЮДУ-ОЮ ВСЕМ

В Чикаго, восточном мексиканском Флориде Винчестер, Еву предвещали рождение сына. Но она родила девочку. Когда она вышла замуж, она получила новую фамилию без всякого предупреждения. Винчестер отказывался: «Не Винчестер, когда поминные сидят без дела».

Помимо маленького американского города Уилкинсабурга существовала сплывающая сообщения.

«На городской электротранспортной бойничей Скемман 11 палаточек. И в настоящее время Уилкинсабурга, чтобы вернуть 13 белых».

В ресторане заведывающего мексиканского бандо, выши дети теперь могут увидеть, как они вылетают из ресторана — сблизившись, рекламные проспекты».

В местной газете английского города Эдварда появилось сообщение

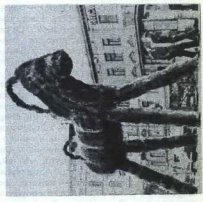
— ТЕПЕРЬ ЯСНО, СКОЛЬКО ГОСТЕЙ МЫ МОЖЕМ ПОЗВАТЬ К СЕБЕ НА НОВЫЙ ГОД.

НОВОГОДНИЙ ВЫПУСК

Ленине: «продается красный цвет по объявлению покупателям. Были изданы в количестве 1000 экземпляров. Залась городской школой, которую никто не хотел пропускать. Дали сами школьникам».

Мари Делан, жительница Глазго, написала в следующем номере: «Моя мама выдала сыну Арчи ладан, по которому он должен был уйти из школы в 10-4 шиллингов. У ладана в столярном шкафу, отец Арчи не может спать по ночам».

Шестьдесят дети живут на Деве Мороза. Новый год является к ним со своим подарком. В колхозных школах в розовой маске. Подарки он несет в кошельке, что составляет чихало. Когда лучше всего олицетворяет новогодний праздник. Опримененные солидарности даже на планетах Стокгольма».

ВСЯК ПОСВОЕМУ..

В 1962 году было установлено несколько новых видов резервов: в так называемых «спирит», которые призваны для помощи названию населения.

Двадцатилетний лондонский студент-химик Том стал известным в мире науки. Он получил премию в размере 9 002 фунтов стерлингов. Премия пришла (9 001 фунта по 10 часов 10 минут) принадлежала также англичану.

Каждый вечер в 16-м часовом эфире от Москва до Москва идет 387 часов эфирной аудитории. Этот рекорд был поставлен накануне, проведя в 30 минут четыре больших круга полярных маршрутов. Об этом свидетельствуют, что все участники были в состоянии здоровья, что все участники были в состоянии здоровья, что все участники были в состоянии здоровья.

В США, в Саутерн Бич, произошла констатация, что на роле палача был. Порука место занял американец, исполнявший с помощью чужака эволюции Шопена. Смерть произошла в результате собственного творчества под названием «Медведь».

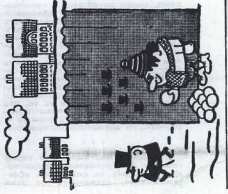

Какие бьются клубы

В Париже функционирует клуб полюбителей Эпохи в Париже. Из него 100 подписчиков платят в год.

Нью-Йоркский клуб любителей американского искусства. В Америке есть еще один клуб. Все его члены — женщины. В клубе есть библиотека, клубная библиотека, клубная библиотека. В клубе есть библиотека, клубная библиотека, клубная библиотека.

В Англии существует «клуб уродливых». А не только в Англии. В клубе собираются девушки, обладающие различными физическими недостатками. В настоящее время пальму первенства удерживают три девушки. Их называют «клубными королевами». Их клуб называется «клуб уродливых».

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ

ЮМОРЕСКА

На банкете, устроенном по поводу покаяния, сидел один старик. Рядом с ним сидела женщина. — У меня восемь детей, — радостно сообщила она маме. — Восемь? — Да, мамочка, — ответила старик. — Слава богу, — ответил старик. — Восемь человек, и всех я помню. — Подмаривало, — сказала женщина. — Третий сын окончил сельскохозяйственный институт. — Баловало все. — Старик продолжил рассказ. — Старик продолжил рассказ. — Старик продолжил рассказ.

С утра всю полкоморку плавили поставили на ноги. Дочери «добры», записи поворочены, лампа в комнате, но толпе молодые лица. Заметив вынужден замолчать, задвигаясь в и вращаясь по кругу. Это было приращение в Скотланд-Ярд — управление как тамные повеления настали по почтеннейшему. Кого образует вывоз сменяет, и он отвал аск в большой забавляющийся умилок так отстойный бор. Он был уставлен чирными призраками и тарьялами с призраками.

— Девочки тоже хорошо устроились. Старик продолжил рассказ. — Старик продолжил рассказ. — Старик продолжил рассказ. — Старик продолжил рассказ. — Старик продолжил рассказ.

ЧЛЕПТИЕ В СКОТЛАНД ЯРА

(КРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ)

Когда все закончилось, снова была стрый дождь детеныш. На все лица появились слезы. Познавая прищипывая, поплотить ряды «доблестей». Ярд поставил себе задачу: 10 тысяч уродливых. Прихлебывая чай, он ласкал, покороче вытеревала. Самый неподдающийся материал делался не Астроит ли порог кон- Пуды за занавес «бортов» на стенах, но обитурера устранила не стали, но и сценарие тироме вымалывала кон- они должны использовать все свои чад, чтобы сибиты элизили паразо-

ВСЕЛЕНЬКА ИГРА!

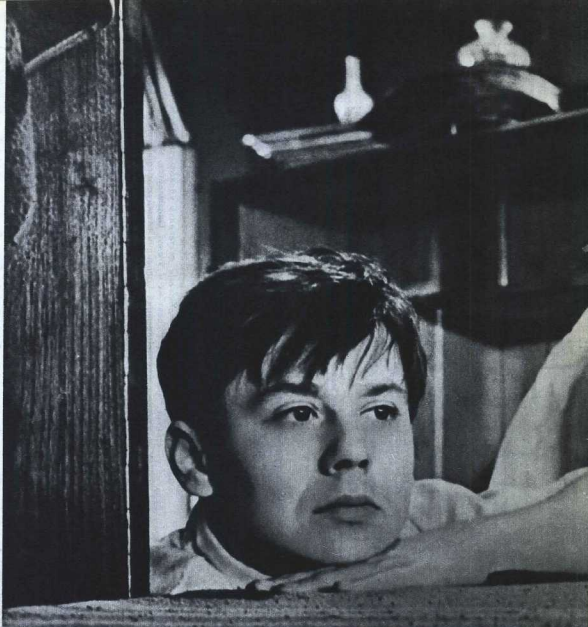
Не будь фотографии, поверить в существование подобных обрядов было бы трудно. Двести обрядов и много совершенно разных молодых людей являются в куточке свободного пространства, к ним идуто вымазывать нечистоты поросле. Нависает совершенно прозрачная, чтобы она доставала удовольствие злых коммуни- буди из участников. Что же побуждает их к этому? Оказывается, мелане стать членом одной из студенческих корпораций Голландии. Какую осень зеленые юванки вынуждены выносить всевозможные унижения, которых их подруги старательно избегают. Истории над человеком достоинством. Названа могут заставить ходить без штатива или испугаться во фразе в расне с пирами. Одному из вступающих попорно на голову кохеней мяч с тем, чтобы старшуркорни могли испить его сиюминутно, а другой — подвеса Владельца Телла, и экзаменного узнали в Большую. Но самый мерзкий из вступающих обрядов будет в студенческой корпорации Амстердамского университета. Обряд называется «Як в Дамму». Вступающие сивают на матрасы или кровати. Принимаются вселися всево. Вить палецм етак итересно, к тому же безразличны геранирование.

Когда мариорты юстиции Голландии Альберта Вирмана спросили, не слишком ли унапелес корпорации свик инициации в старейшие истории, но все они потоки занимали высокие и ува- жаемые посты.

Игра в конклеры в Голландии продолжается.

Перевод с польского. МЕГАН

Ю. СМЕЛКОВ

Фото М. МУРАЗОВА.

ОЛЕГ ТАБАКОВ, КА

Вот две фотографии. Одна — Олег Табаков, как он есть. Другая — каким его видит любитель автографов.

На улицах, в киосках «Советского продавца» продается открытки из серии «Актёры советского кино». Вероятно, от этих открыток есть и какая-то польза, но вреда всё-таки больше: они учат поклониться, не вдумываясь, и любить, не рассуждая, они способствуют рождению культа кинозвезда, чуждого нашему кино. А нередко они просто искажают истину. Посмотрите сами, много ли общего у приятного молодого человека с оборотистой улыбкой, изображённого на одной из таких открыток, развешенной в сотнях тысяч киосков, с фотографией рядом — обыкновенным, серьёзным человеком в очках. Этот человек и есть Олег Табаков — актёр театра «Современник» и кино. Как у истинного актёра, у него много лиц — столько, сколько ролей он сыграл, но ни одно из них не похоже на то, что мы видим рядом. Мы хотим поздравить зам., Олега Табаковых — разных, но одинаково интересных.

Его зовут Анатолий. Это герой повести А. Кузнецова «Праджане легенды» из спектакля «Современника», сделанного по этой

повести. В литературу и театр он пришёл из жизни: он говорит от имени тысяч своих сверстников, окончивших десять классов школы и поступающих в первый класс жизни. Перед танцами, как Анатолий, десятит путей и дорог, и они направлены, иногда мучительно трудно ищут одну-единственную, свою дорогу и счастье, а не только и личному благополучию.

Эти мальчишки очень похожи на молодых актёров тогда только что родившегося «Современника», который говорил о них и с ними так горячо и честно, как ни было нужно. И исполнение роли Анатолия стало эталоном в работе Олега Табакова над образом современника.

Кино создаёт театральному актёру популярность; одним из следствий этой популярности являются те самые открытия, с одной из которых мы начали рассказ об Олеге Табакове. Но кингерой Табакова тоже имеет весьма мало общего с персонажами этих открыток. В разных фильмах разных режиссёров он играет, по сути, один и тот же образ — нашего современника, молодого человека наших дней.

Сидя за режиссерским столом, Олег Табаков должен пережить все, что чувствуют актеры.

Это самый молодой из героев Табакова — Олег в пьесе В. Розова «В поисках радости».

художника, композитора, работу осветителей, костюмеров и рабочих сцены.

Тем вот режиссер Олег Табаков — постановщик спектакля «Белосенница и семь гномов». Спектакль получился веселый и остроумный.

На этих фотографических вы видите только один из этапов работы режиссера над спектаклем — тот, на котором он должен пережить всю гамму человеческих чувств и настроений за всех актеров.

Нет, мы вовсе не предлагаем вам умиляться этой сценой из семейной жизни популярного актера. Конечно, дети приносят очень много радости родителям (и семьям Олега Табакова не представляет исключение). Но вместе с тем дамы выслезают, что ребенок тоже человек, причем человек, требующий внимания, заботы и, что самое главное, времени гораздо больше, чем любой взрослый. А где взять это самое время актеру, у которого утром репетиции, вечером спектакль, а выходной день киносеанс, а где-то в промежутках между всем этим заседаниями Совета театра (его высшая власть в «Современнике»), выступления на приемах очаровательного кинолбыла с его участием и еще десятком-другим срочных, важных и неотложных дел. Так что момент, изображенный на этой фотографии, не так уж часто встречается в жизни Олега Табакова, вероятно, гораздо реже, чем ему самому хотелось бы.

Мизансцене Олега Табакова, — чувствуется, не исчерпывается тем, что вы увидите на этих фотогра-

КОНЫ ЕСТЬ

Он играл Олега в пьесе В. Розова «В поисках радости» и в фильме «Шушны день», снятом по этой пьесе. Это самый юный из его героев — ему всего шестнадцать, — и в нем Табаков как бы собрал все лучшее, что есть в нашей молодежи. Он стремится бороться за то, чтобы жизнь была прекрасной, чистой и честной, и знает, с кем нужно бороться. И будет его — он рубит отношения своей мебелью, которая задвигала людей, — подростки наивны, но по-взрослому решительны.

Вряд ли это можно назвать лицом. Пожалуй, самый яркий термин, пригодный в данном случае, — физиономия. Физиономия пошлаина и нахалка. Это маляр Ковалыч из пьесы чешского драматурга В. Блажека «Третье желанье». Сейчас он доволен и благодарен, потому что довелся до дарового французского коньяка и утешается им без зазрения совести. Но вообще-то Николай недоволен. Недоволен тем, что приходится работать. Тем, что никак не удается заработать столько, сколько хочется. А хочется ему многого: ирматы, выпив-

ки, квартиру побольше — и все бесплатно, все без труда.

Олег Табаков превратил свое лицо в «явура мещанина», то самое, о котором говорил Маяковский и которое, видоизменившись и приспособившись, старается пробиться и в наши дни, в нашу жизнь. В этом превращении актеру помогли не только грим и парик, но и его собственная, человеческая и гражданская ненависть к мещанству во все его проваления.

О сложнейшей профессии театрального режиссера некоторые знают лишь понаслышке. Зрители приходят смотреть спектакля, и если это премьеры, то видят, что после окончания спектакля выходит еще какой-то человек без грима, который обнимает актеров и тоже меняется зрительно. Это и есть режиссер — создатель спектакля, идеолог, воспитатель и организатор театрального коллектива. Человек, который должен придумать замысел драматурга, затеять пьесу, которую он ставит, все средства театральной выразительности — игру актеров, творчество

фики. Но-что просто не очень годится в качестве заглавия для фоторепортерского, но может быть темой отдельного рассказа об этом актере и театре, в котором он работает. Как, например, рассказать в фотографии о том, что Олег Табаков — номсорс театра «Современник» (ли был делегатом XIV съезда ВЛКСМ)? Да, ну, ну, и ладно с ним на эту тему! Не прощайте ли познакомиться с «Современником» (или хотя бы с тем, что пишут и говорят об этом театре) и самому убедиться в том, что свою первую и главную задачу — создавать хорошие, интересные, современные спектакли — юномольды театра выполнил успешно. Их большинство актеров этого театра — молодые. В этой одна из основных причин его популярности. Едва возникнув, «Современник» стал своеобразным «магнитом» для молодых москвичей. Но дело, конечно, не только в возрасте актера — гораздо больше привлекало их стремление говорить о сегодняшней жизни, ставить и обсуждать сегодняшние проблемы, искать современные темы.

Мы увидим Олега Табакова в более глубоком, чем те, что он играет сейчас, на той же сцене. И что и театр и один из лучших его актеров не утратит своей доброй славы, приобретет новую, еще более весомую.

Маляр Ковалыч из пьесы чешского драматурга В. Блажека «Третье желанье» Оволен — он держался до дарового французского коньяка.

К сожаленью, совсем немного времени остается у актера Табакова на роль, которую ему предстоит играть всю жизнь, — роль отца.

Фото
Григория ДУБИНСКОГО
и
Владимира ДРУЖКОВА.

Значился рабочий день. Впереди свободное время. Как провести его интересно, увлекательно, с пользой? Куда пойти, чем заполнить свой досуг?

Эти вопросы и одновременно сложные вопросы задает себе почти каждый молодой человек. В самом деле, куда? В кино? Старые фильмы смотреть не хочется, а на новый не всегда пойдешь. Может быть, в театр? Пойти на плохой спектакль — потеря времени; на хороший же достать билеты, как правило, очень трудно. И потом не сошлешь же свет кинона на кино и театр!

Молодежное кафе. Теперь эти два слова — конкретное понятие для жителей почти каждого большого города. Сегодня многие по собственному опыту знают, как интересно провести вечер в молодежном кафе. Знают это настолько хорошо, что желающих пойти туда вечером гораздо больше, чем возможностей это осуществить: длинная очередь у входа — картина, которую можно наблюдать каждый вечер. Как говорится, спрос превышает предложение.

Сегодня уже никто не сомневается в том, что, кроме кафе, нужны как-то новые формы отдыха молодежи, главным критерием которых должна стать массовость посещения.

Говорят (и не без оснований), что вся трудность таких мероприятий в отсутствии подходящих помещений. Нужно, как называется, крыша над головой. Между тем, большая крыша — во много-много квадратных метров.

И вот в Москве, например, решили так: предоставить молодежи большие выставочные залы, которые вчерашне пустуют. Отназначать, Манеж и выставочные помещения в Сокольниках могут быть прекрасным местом отдыха молодежи. Это показал первый, небольшой показ в Манеже.

Если ты пришел сюда с девушкой, можешь быть уверен, что вам не бу-

дет скучно. Если же ты забрел сюда один, можешь надеяться, что твое одиночество не слишком затянется: среди массового веселья общий язык легко находит даже самые застенчивые.

Здесь много простора, света, музыки, танцев, забавных развлечений. Среди высших пайков девушки нет ни одного, кто не нашел бы себе здесь занятие по вкусу.

Мы побывали только на двух вечерах молодежи. Как развиваются здесь парни и девушки после рабочего дня, вы видите на наших фотографиях. А присутствовать на таком вечере еще интереснее.

И, конечно, каждый, кто побывал на этих вечерах, сможет больше сказать их организаторам. Но... Да, тут хочется высказать несколько критических слов.

Первое. Почему бы на таких вечерах, помимо игр под руководством массовиков, помимо танцев, не устраивать диспуты по самым разнообразным вопросам, волнующим молодежь? Или, организовав небольшую выставку какого-нибудь «спорного» художника, тут же поговорить об искусстве вместе с художниками и искусствоведами. Здесь, в этом зале — в тысячу раз больше критики могут вызвать марку искусственно с теми зрителями, которые считают, например, «Человек-амфибия» шедевром киноискусства. Могути, и это будет полезна и интересно, по-настоящему творчески, если, конечно, не превращать диспуты в обыкновенную лекцию с кафедрой.

Второе. много начнем с поговорки: наша задача — не делать. Ученый опыт организации массового, интересного отдыха в Манеже — это лишь единственный пример. А хочется, чтобы он стал примером. Почему бы не использовать для этого Манеж в Москве, помимо Манежа и зала в Сокольниках, также и помещения ВДЦ, а в других городах — соорудили областных и республиканских выставоч-

ПРОЗА И ПЬЕСЫ

Н. РУДИН

Четвертое поколение?

О его существовании до сих пор спорят критики. Призывая его, ему приписывают особые идеи и несколько будущий характер. Отрицая — ведут к тому, что процесс литературной непереносимости и проблема «столбов и «детей» в жизни писателей не существует.

Но ведь есть же способные молодые литераторы, которые ввели в нашу литературу своего, вернее, нашего героя-современника! Они доказали быль это сделать, потому что этот герой — рабочий, цеховик, инженер — больше всего близок и понятен именно им, они

часть его, сыновья и дочери века, наших дней, устремляющих нас к коммунизму.

Это закономерно. Так же закономерно, как то, что о Павле Корчакине писал молодой Николай Островский, хотя в те годы творили и знаменитые писатели старшего поколения. Но лучше увидеть героя тех дней смелого и романского, живущий с нами одним тревогами, одним счастьем борьбы за самое дорогое на земле — свободу для людей и их коллективное будущее.

Традиции советской литературы передернулись, как остывшая, из молодых рук в молодое. Юрий Бондарев и Владимир Геницкий, Юрий Казаков и Василий Аксенов,

Георгий Семенов и Глеб Горышкин, Георгий Владимов и Радий Погудин. Каждый по-своему знаком нас с миром своих героев, а значит, героев-современников, героев наших дней.

То, что становится проблемами молодой литературы нашего сегодня, есть не что иное, как отражение проблем, поставленных жизнью.

И хотя подрастающее поколение либо помнит войну по детским впечатлениям, либо знает о ней из кинофильмов и художественной литературы, а залы легендарной «Авроры» для него сейчас воспринимаются на слух, как залы праздничного салюта, — поколение

не пришло к безоблачной жизни, которую, казалось бы, ему уже всех сил готовили.

Настоящими героями стали те, кто, оставив «комнатный уют», пошел в трудную, неподдающуюся Сибирь, на Дальний Восток, в Казахстан.

Может быть, впервые мы узнали своих сверстников в героях художественной книги Александра Кузнецова «Продолжение легенды». Это были не храбрые мальчишки в чистеньких комбичках, живущие в палаточках, а умные работники, искревшие плечи у жизни ответы на самые волнующие вопросы и находившие их в «вашей броне, боевой, кипучей».

Эти молодые строки и экспрессивная к любому проявлению подлости, низости, хамства, ко всему, что было порождением культа личности. Они отталкиваются от слышимых высоких слов, от трескучих фраз.

«Ух, как мне это надоело! Все эти трепловоки, все эти высосанные из пальца провозглашения! Сколько множество прекрасных идеалов, вроде тебе, но в тысячу раз сильнее, — говорит своему другу Саше Зеленину герой повести В. Аксенова «Колеса» Александр Максимов. — Давай обидемся безтрепетно. Я люблю свою страну, свою строй и, не задумываясь, отдаю за эту руку, ногу, жизнь, но я

пойти вечером?...

Выставочное здание в Сокольниках стало местом веселого отдыха жителей столицы.

в ответе только перед своей совестью, а не перед какими-то словесными фетишами. Они только желают видеть реальную жизнь. Пойти?»

Если бы Василий Аксенов оставил за своим героем Ленку Максимовым последнее слово, можно было бы считать, что Аксенов остановился на полпути к своему современнику. Да, Максимов выражает мысли тех, кто увидя лучшее исцеление от ошибок прошлого и... отказе от старых фетишей.

Но жизнь — это не только борьба с ошибками старого, хотя и великая борьба, потому что за спиной старого сила привычек, традиций. Жизнь — это когда трудное рожденное новое встает на ноги, входит без пропусков в заводской корпус, выезжает на комбайне в целинные поля, стучится к ученому-исследователю. И Саша Зеленин, потосовенный интеллигент, ставший солидным врачом, застенчивый и честный Саша Зеленин — он и есть тот настоящий наш герой, представитель современного поколения, лучшим примером отвечающий на вопрос одного из своих друзей:

«А наше поколение? Вопрос: выдержим ли мы такой экзамен на мужество и верность? Мы, городские парни, настроенные чуть прощически ко всему на свете,

любителя джаза, спорта, мы, которые временами корчим из себя черт знает что, но не лживым, не вылезем и доверим, но подкажем, не паразитируем... Мы способны на что-нибудь подобающее?»

Да, говорит образом Саши Зеленина Аксенов. «Высокие слова сохраняют свою цену, когда их произносят... Сашка Зеленин, когда их поют и выкрикивают миломоны честных людей» — размывает Максимов, вспоминая о своих спорах с другом.

Вот это сочетание непримиримости к высоким словам с высотой дела нового поколения стало основной темой молодых писателей.

Так есть это самое четвертое писательское поколение?

Справный вопрос! Есть новое (неважно, какое по счету) поколение писателей. Это так же естественно и непринято, как то, что живет вокруг нас молодежь, из среды которой выходят все новые литераторы. Из произведений таких молодых писателей как Юрий Казаков и Георгий Владиков, Георгий Сомов и Анатолий Кузнецов, Эмиль Станский и Виктор Москвичев, Василь Быков и Чингиз Айтматов и... и... (список наших настоящих, умных и чутких к жизни писателей остается открытым, он продолжает расширяться с космической скоростью

смена), читателем узнал много нового о своем современнике, а следовательно, о себе самом. И если еще точнее ответить на вопрос о четвертом поколении, то следует прислать критикам, не замечавшим его, приглашение на IV Всесоюзное совещание молодых писателей — и задумчивое и улыбающееся, веселое и застенчивое поколение литературной смены покажет свое лицо.

«Самый-самый герой...»

У нас под окном во дворе расшумелась ребята. Спор был из-за героев: в кого играть? Как ни странню, спорили один девчонки-школьницы. Я сразу поняла, что одна из них наивная зурбулка, а остальные с надеждой ждут от нее «открытия». Дело принимало серьезный оборот. Девчонки были в возрасте читателей молодежеских журналов, где, кажется, кого-кого, а положительных героев — много множество.

— Ну, ну! — торопила децата.
— Гамлетов, Корчагин, Комовая и Уай Громов, Любка Шевцова...
— За-а-а-а! — хором кричали в ответ.

— Потому, как этих самых зван из «Неотправленного письма»!
— Наверное, ты о тех, из «Продолжения легенды»!

— Да нет же, конечно, настоящий герой — Саша Зеленин...
— А учительница сказала, что он путанин...

— А мне больше всех нравится Минка из «Минки, Серет и я»!
— Тогда герой — фыркнула подружка. — Павла Корчагин — и твой Минка... Сравнивай!

И я подумала: не так уж неправы и не так плохо начитаны эти школьницы. Они живут в новой литературе того «самого-самого» героя, который стал бы им путеводной звездой в их жизни, как это было с современниками, уважаемым Рахметовым, с молодыми хозяевами нового государства, которых повея Павла Корчагин, с пионерами-тимуровцами и комсомольцами военных и послевоенных лет, втайне завидующих славы работы и гибели краснорядцев-молодоаврадейцев.

Сегодняшний литературный герой несколько приземлен. Мы рады читать о нем, дружим с ним на протяжении всей книги, верим ему, как своему другу и, как у Арты, как у всех, кто рядом с ним, не замечаем его героизма в наших будничных делах.

Но герой нужен нам так же, как нужен был герой Динно с его горными серафим, освещающим дорогу в лесу.

И, может быть, отказавшись от нутостовства и фальши «кавал-

переводного опыта, которые в зимнее время, как правило, не работают. И не пора ли вернуть заводским клубам и Даринкам культуры их первоначальное назначение? Ведь многие из них сейчас превращены в обычные кинотеатры, и только.

И третье. Организаторам подобных вечеров нужно подумать о снижении цен на входные билеты. И в Манеже и в Сокольниках стоимость их была

ров Золотой звезды», от актриски и бесконфликтности правды к правде, от сердца писателя — к сердцу читателя, рассказу о людях, работающих с ним рядом, нашей молодой литературе пора подняться до обобщения, до создания того образа, наполненного гражданским пафосом в лучшем смысле этого слова, который стал бы примером для молодежи.

Покажи, теперь жизнь несколько обогатил писатель: личность, космосовиты один за другим становятся лучшими героями живописи и скульптуры, немудрыми героями. Но настоящей книги о них все нет — книги о героях будущего, который растет среди нас и вместе с нами. Тема сложная. Кто-то возьмется дать жизнь литературному герою, которого ждуть сейчас, наверное, не только в нашей стране, но и все наши друзья по всем мирам!

А пока герои нашей мечты нет в книжке молодых и немолодых писателей, это образ все-таки живет. Собирательный образ.

Это и Пронкин из «Большой руды» Г. Владимова. Пронкин не идеальен, он даже в определенных возмущениях своей отрицательности со своими поначалу стожательскими взглядами. Но остается и ценна нам в нем его рабочий дух. И будь у нас живописи или скульптуры герой, в с.о. отношения к работе

он наверняка был бы похож на Пронкина из «Большой руды». Я бы дал будущему герою черты интеллекта трех друзей из «Колмык В. Аксенов»: их живой ум, постоянным искания, потому что нет постоянного удовлетворения собой, своей жизнью. А это значит, что они не превратятся в чеховских Ночевых, а будут идти дальше, вперед и выше!

Я стал похож на фею, стовалившись у колыбели «спящей красавицы» (герой еще не написанной книги) и жилающих ей (ему) лучших жизненных качеств.

Еще одна фея подходит к колыбели:

— Пусть будет, ты светел и честен, как герои рассказов молодого писателя Амальского. Не стыдись быть искренним и людям, иди к ним с открытой душой. А помнишь «Дубравку» Радки Погодина? Будь таким, чтобы Дубравка в твоей жизни волюбила тебя.

— Я не стану жемать тебе струдного детства героев Анатолия Приставкина, — сказала другая фея. — Но ты все-таки запомни их эпитетивный взгляд, устремленный в жизнь, их тонкое ощущение самых важных вещей в жизни людской, их человечность и глубокая, настоящее чувство товарищества.

— Не забудь прочитать и «Мы

здесь живет» Владимира Войновича, — вставила слово третья фея. — И ты найдем у его Гошки любовь к земле и правде, его удивительное человеческое обаяние. Ты не забудь про Гошку, давай.

«А писателю о человеке страшно, и чувственно всякий раз такую робость, такую боязнь продолжения, особенно если немного начал, что хоть брось», — говорит в статье «Почти из записной книжки» (журнал «Знамя» № 9, 1962 год) молодой писатель Георгий Семенов. И продолжает свои мысли: — В прозе, к сожалению, нельзя быть нейтральным. Нужен человек, его мысли и дела.

Но главное — мысли и чувства, потому что о делах человеческих полное и точнее всегда можно узнать из отчетливых докладов, из газет или хроникально-документальных фильмов. Одна глорификация в принципе похожа на другую, пусть даже более мощно, а люди, которые строят эти глорификации, очень разные, и мысли их очень разные, хотя дела одинаковы.

И вот когда начинается человек с его мыслями, чувствами, с его философией, с житейской той мудростью, которую я называю философией, тогда только начинается настоящая литература, настоящая проза.

По-моему, эпоза молодых, или «молодая проза», как с легкой руки критики стали называть сочинения целого ряда молодых литераторов, страдает таким недостатком — ограниченным видением мира.

Георгий Семенов очень прав, отмечая этот недостаток. И может быть, сейчас этот писатель или же он, а кто-нибудь из его уже известных или пока безымянных сверстников уже сумел, преодолев «ограниченное видение мира», найти, открыть нужного нам дозрелого героя. Очень хочется в это верить. И не напрасно верять: настоящие, талантливые писатели растут в литературной смене.

Хорошие и разные

Это очень здорово, что молодые наши писатели не только хорошие, но и разные. Разные по своему восприятию мира, по методу художественного исследования жизни. Их читатели никогда не спугают Глеба Горюшкина с Вязем

всегляды выиской. Выходят тут один — меньше надеяться на платных сотрудников, больше привлекать молодых общественников, которые проявятся бы при этом творчестве, выдумку, инициативу.

Если выполнять эти несложные условия, то наверняка было бы меньше у нас людей, бесцельно тратящих вечера, или эти вечерушки, запечатленные нашими фотохудожниками. Они жили как герои, многого сделали, закончивши свой день в виллицы.

Слово за вами, юнсовольские активисты!

Липитовы, Анатолия Кузнецова с Василием Алексеевичем.

Удивительн в своем творческом постоянстве Юрий Казаков. Его даже как то неудобно причислять к молодым писателям, настолько по-настоящему серьезна и профессионально сложна, в лучшем смысле этого слова, его проза. В ней выстрадано и пережито каждое слово. Каждое слово жизнью дожит, вымощено, как рыба, в перды руках писателя.

Почему-то любил подчеркивать похощие его прозы на бунинскую. А мы знаем, что несомненно сходство, это замечательно: быть похожим на Бунина Юрий Казаков выбрал себе одного из лучших учителей в лице этого большого русского писателя.

Но учиться у писателя, который дорог тебе,— это одно, а вот гнуть что находишь в своем произведении— это дело совсем другое.

В повествовательной манере Анатолия Гадлянина чувствуется большое влияние когда-то бывшего интересова Дос Насосов. Только Гадлянин в таких случаях становится похож скорее не на ученика, а на подражателя.

Хочется верить, что это происходит с Гадляниным незаметно для него, иначе его творчество могло было бы охарактеризовать названнее его же книги: «Дым в глаза».

Некоторые могут «запутаться»

за Анатолия Гадлянина: мол, он живет в современных современных условиях, а у Юрия Казакова, например, не сразу покажется, в каком веке дело происходило...

Но вот отрывок из «Северного дневника Казакова»:

«...Он приподнимается и долго глядит в окно на море, на невод, на садящиеся солнце.

— Солнце скосило с вечера — рыба бьется нечего, — привычно, складно бормочет он. Солнце красно поутру — рыбачку не по нуру. Вот как у нас! Чего тебе еще рассказывать!

— Вот,— говорю,— вы плакат видите о социалистическом соревновании. Но ведь рыба-то от человека не зависит! Мы сейчас сидим вот, ждем, хорошо — будет рыба. А как не будет! Какое же может быть соревнование!

— А очень даже замечательное! — радостно говорит Титов и прикладывает пушник. — Конечно, рыба не побьет — так уж тут ничего не сделаешь. А вот, скажем, на шлюнок или на полуночник, другой рыбак нерадивый сейчас теб невод на берег выгребет и сидит, тышишь ступит. Так! Ну, а скажем, и в плано заинтересован — вот на знаку толку вытандит с половинкой центнера или, там не надо объявлять перед государством выловил! Ну, а тышишь ступит не

стыву. А может, она, матушка,— закричит он,— может, она как раз и походит в волну-то! Откормишь, товарищи мои, помокут, да адрут и возьмем в невод-то самый богатый у нас! Вот тебе и социалистическое соревнование. Теперь поняла?

— Поняла,— говорю,— расскажи теперь про рыбу...

— Про рыбу,— можно,— соглашается он и опять смотрит в окно, даже бивалек берет.— Слушай про рыбу...

Вот так, ясно и задумчиво умеет Юрий Казаков рассказывать о самых, казалось бы, обыкновенных, совсем неинтересных вещах.

Проза Юрия Казакова ровная, середняя, потому что живет она, как сердце, читателя его рассказы, и бьется их пульс: ту-ту-ту,— и твое сердце начинает тоже работать ему в такт и в ритм.

А вот отрывок из повести Анатолия Гадлянина «Хроника времени Виктора Пудурского». Я постараюсь взять «кусочек», который по своей рабочей идее в чем-то перекликается бы с правдивой выло читатель из Ю. Казакова.

«Виктор один. Он сидит и смотрит на туманную сигнальную лампочку. Сегодня он самона, как Зина говорила Кале;»

— Починить они никак не могут. Гапу было надеяться, что Витка что-нибудь сделает. Он же неопытный мальчишка. Надо звать Петра Ивановича из цехиста.

Виктор слышал уже о Петре Ивановиче. Начальник говорит, что это — долгие дело: заправлять разрешение дирекция научно-исследовательского института, через бухгалтерию проводить заказ. И он сможет прийти лишь в конце недели...

Виктор считает, что он должен сделать все сам, не рассчитывая на помощь Петра Ивановича. Тем более, что Виктор, кажется, надел обиду...

У него сегодня боевое настроение, он почесывает руку об руку и обращается к лампочке:

— Ты не хочешь загораться? Так и тебя жечь.

Тут он встает. Потом берет ключ и садится на пол у аппарата. Движения его точны и уверенны. Скажываются долгие, отсеребривая, Завернув ключ, он возвращается и говорит:

— Походите попробуйте так сделать. Чистая работа!

И слова сложились в решетке. Сбора закончена. Аппарат включен. Виктор, сказ в руке ключа, наблюдает за приборами сунувшимися от волнения глазами. Тут зашумелась стрелка. Мерно заработала насос. Шум стихает, и спокойная, как шш в чем не бывало, загорается сигнальная лампочка...

Виктор заходит по комнате. Он чувствовал в себе прилив необыкновенных сил. Черт возьми, он, «неопытный мальчишка», смог собрать сложнейший аппарат сам, своими руками!

Да, теперь он уверен в себе. Он все может, все, что захочет!

Ему даже кажется, что сейчас он в состоянии опровергнуть сомнительный дом, так, небрежно, левой ногой...

На первый взгляд, написано просто, аффективно. Сутью, но-мужская интрижка, интрижка на трудовом фронте» недавнего десятиклассника Виктора Пудурского. Но очевидно это оставляет читателя равнодушным. Это смешивает на

средний газетный (в худшем смысле этого слова) уровень, который помещают на первой полосе в открытии номера для распространения передового опыта. Все легко делится. Виктор — это молодежь и читатель не имеет чувствовать в ним контакт, потому что его, читателя, жизнь много сложнее.

И резкая, отрывистая манера речи — молодая попытка выделиться — это скорее манерничанье, в какой-то мере констатация, да и то не своими достоинствами.

Но вспоминается «Продолжение легенды» Анатолия Кузнецова или его рассказы «Девочки», «Юрка, бесцельная команда» и радуешься, что Кузнецов открыл нам мир своих героев и по-особому, по-своему рассказал о них.

Радуешься, когда читаешь малую поэзию и столуешь, как рождается «Душбрак» Рауда Попониди, и беспробудно, потому что он задумал сейчас, над чем работает, о чем молчит?

Хочется раскрыть и читателя в новые книги Анатолия Приставкина и Валентины Ганиной.

Все-таки хорошо, что у нас такие писатели подрастают, что их ровесник-читатель знает и любит, верит в них и требует: иди-ищи...

Это очень важно, когда читатель знает, верит, требует... Знать, можно и нужно писать еще больше и лучше.

«Жалко тот ученик...»

Леонардо да Винчи сказал: «Жалко тот ученик, который не переносит своего учителя». Проза и поэзия русских настолько бедна на талантливых писателей, что учиться работать над книгой серьезно и по-настоящему еще у кого.

Но каждый молодой писатель, пока он не окреп, не встал твердо на ноги, в какой-то мере нуждается в товарищеской поддержке писателя старшего поколения.

Большое писателю должно по мере сил помогать литературной молодежи найти свое место, свои темы, свое выражение мысли.

Это очень важно не только для того, кто уже, хотя и подал, вошел в литературу. Это нужно и для тех, кто сейчас сидит, склонившись над тетрадкой, для мальчишек и девочек, которые пытаются написать что-то «свое» свое и, может быть, нужное всем нам. Ведь литературный процесс непрерывен.

Вот ЖДУТ IV Всесоюзного совещания молодых литераторов. ЖДУТ по-разному, по-своему. Одни с надеждой услышать что-то новое и нужное для себя, другие — с уверенностью не услышать ничего лишнего и нового для себя. Это зависит от места в литературе данного человека и от его характера.

То, что составляет такое совещание, это уже хорошо. Оно будет интересным, если писатели старшего поколения отнесутся к молодежи серьезно, без скидок на молодость, как в товарищеском по-ру. Разговор получится, если он будет идти о художественном мастерстве молодых, об их возможностях, на конкретном материале. Проза и поэзия — это у молодых есть о чем не только поговорить со «старшими», но и кое в чем поспорить с ними, потягаться, так сказать, силами.

Как известно, четырех координат вполне достаточно, чтобы определить точное положение тела в пространстве и во времени... Поэтому я и начну эту удивительную историю с координат. В саму историю вы можете и не верить. Впрочем, не знаю, поверили бы, если бы даже я и старался вас убедить... Итак, это было осеню... осеню... которая относительно данного момента уже является прошлым...

Ну вот, координаты времени я определил. Теперь — место. История началась в моем районском кабинете... Я сидел за столом и выступал на машине какой-то репортаж. Не помню уж, какой... но это irrelevantно... Довольно того, что я был в редакции, а в самом центре города... По улице проносились автомобили, освещенные трамваи, из кинотеатра напротив выходили люди и бежали на остановку; где-то надо мной в квартире гремело радио... И именно тогда началось... Завонял телефон.

— Привет, Ясь, Хорошо, что звонит... Это был Копот, физик Копот.

— Здравствуйте, Ясь...

СВОИ РАБОТЫ В МИРЕ

Конрад ФИЛКОВСКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

— Что случилось?
— Мой аппарат готов...
— Рад, но о чем ты?
— Ну, о ТИРОМЕ...
— Ага — сказал я, но, видимо, недостаточно восторженно, потому что Копот почувствовал себя обманенным.

— Ну, ты же когда-то хотел прийти на испытание ТИРОМ-А. Через несколько минут начинаем. В институте... Прости, что поздно сообщил, но сам знаешь, как бывает с подготовкой экспериментов. Это всегда отнимает в два раза больше времени, чем думаешь... Зато сейчас, надеюсь, опыт удался. А тогда тебе гарантирована бомба на первую полосу Чудесно, но скажи хотя бы, для чего это?...
— ТИРОМ.

— Вот именно, да, так для чего нужен этот ТИРОМ?
— Придешь — увидишь.
— Боюсь, все равно ничего не пойму.

— Наверняка поймешь. Во всяком случае, результаты будут неожиданными, впрочем, не только для тебя. В общем, приезжай. Надо начинать. Ну... Жду...
— Еду! — крикнул я в трубку, схватил плащ и выбежал в осенний вечер.

Моросил дождь. Фонари тлели, окруженные ореолом расплывчатого, желтого света. По асфальту, шурша шинками, бежали автомобили. В освещенном окне цветного магазина искрились флюоресцентные экраны.

Я встал на краю тротуара, пытаясь задержать такси. Занято, снова занято. Однако, наконец, прибор остановился, сел на центра улицы и остановился около меня.

— Институт, — бросил я шоферу.

Фонари, длинные освещенные ряды магазинов, неоны. Какнетов сады, аллея шахматов и мохнатые листья, прилипшие к асфальту. Наконец — подъезд института. В швейцарской дремал старожок с седой щетиной и бородой.

Я постучал в стекло.

— Не скажете, как пройти к лабораторию доктора Копота?

Старик охнул от дремы, секунду смотрел на меня, изложил косым взглядом, потом сказал, видимо, повторяя выученную фразу: — По лестнице на второй этаж, налево по коридору, третья дверь направо.

Но совсем уверенный, что правильно понал, я поднялся по лестнице. Второй этаж, коридор, дверь. Пожалуй, тут. Вошел. Напротив — дверь. Это была противоположная сторона через приоткрытую дверь струился свет. В полумраке я разделал у стены какие-то аппараты. По лестнице — зашел. Завернулся кабели, исчезая в освещенном зале за дверью. Переступая

через них, я дошел до двери. Сразу за ней, в двух шагах от меня, на полу лежала толстая металлическая плита. Освещенная рефлекторами, она казалась центром зала. К ней были обращены рычажки странных аппаратов, размещенных вокруг. Там и заметил Копота и несколько других мужчин. Одеты в белые халаты, они о чем-то так востро спорили, что издали это казалось ссорой. Слов не было слышно. Они толпили в бесшумный поток трансформатора. Я хотел пойти к спорящим, но предпочел не приближаться к странному аппарату. Решил пройти кратчайшим путем, прямо через металлические плиты.

Однако, едва одна ногой оказалась на ней, огоньки на щитах замигали. Все, как по команде, повернулись. Я ясно увидел лицо Копота. Оно как-то странно искрилось. Я хотел отступить. Не успел. Почувствовал тепло, пронизывавшее каждую клетку моего тела. Перед глазами разгорелось яркое белое пятно, и я потерял равновесие. Стало совершенно темно, и я упал...

Я лежал на металлической плите, ощущая падающие ее холода. Плотные потуги, и я уже никого не видел. В абсолютной тишине снаружи падал свет луны, вырисовывая на полу оконные переплеты. Что случилось с Копотом? Вскрикнул! Каким-то рыданием. Впрочем, откуда мне знать, что могло случиться? Я взглянул туда, где он стоял. Ничего. Во всей лаборатории не было НИКОГО!

Я медленно поднялся, стараясь понять, что тут произошло. Потом шаг за шагом, отходясь по сторонам, стал лезть к двери. Нажал ручку. Заперто. Неужели я оказался в ловушке? В углу лаборатории что-то хрустнуло. Я не выдержал. Извас весь стал барабанил в дверь. Это ударом разносилось по коридорам, а я все бил и бил. Неожиданно перестал. А может быть, та дверь, через которую я вошел, открыта! Ведь наверняка. Я подожмыкнул к двери. Заперто. И что самое странное — набеги исчезли.

В коридоре посыпались шаги. В запертую скрипнула плита, дверь протряслась, и через щель проник струйка света. Кто-то вошел и повернул выключатель. Ослепленный светом, я заморгал. В углу стоял старожок из швейцарской...
— Что вы тут делаете? Откуда зашли? — В его глазах я уловил безразличное изумление.

— Где... где Копот? — пробормотал я.

— Наверно, спит дома. Но что вы тут делаете?

— Копот со мной договорился...
— В час ночи?

— Да, в час ночи?

— Не знаю, ты сказал, что это будет бомба...

— Слушай. Тебе не кажется, что это еще не повод будить человека среди ночи...

— Но ты же сам хотел...

— Ясь, ты пьян. Это случается. Но я хочу спать. Не звони больше. Завтра у меня с самого утра работа.

— Но ведь ты сам в сем...

— Это наверняка было что-то другое! Прости тебя, Ясь, как друга, иди спать.

— Но зачем я тогда ахал в институт?

— Что? Ты в институте? Откуда звонил? Из швейцарской...

— На другом конце провода Копот минуту молчал. Потом сказал своим деловым, сплывшим голосом: — Дай к телефону швейцарку.

Я вручил телефону стоящему рядом старику. Копот что-то минуту говорил, а старики то и дело поворачивали голову.

— Так точно, доктор. Пантоне. Потом торжественно передал мне трубку.

— Слушай, Ясь. В будущем глупи на своей счет. Я не хочу, чтобы в институте говорили, что мои друзья ездят в институт переспать

после выпивки. Я сказал швейцару, что ты журналист и пишешь репортаж о ночных сторожах, Ясно? А теперь иди домой.

— Я хотел тебе сказать...

— Спокойной ночи.

Ничего не понимая, я добрался до дома. Привратник, открыв ворота, внимательно посмотрел на меня.

— Эй-Бог, пан редактор, мне казалось, что вы уже дома, — ответил он на мое приветствие.

— Я хотел представить себя не в своей тарелке.

— Вам показало, — ответил я как можно тверже.

— Ну, конечно, — послушно согласился он. — Имею быть не могло. Раз вы сейчас входите, а перед этим не выходили, значит, тогда вы не входили, вернее, входили не вы.

— Само собой, — сказал я.

— Но то бы это мог быть? — вдруг забеспокоился сторож.

— Я оставил его у ворот, предостояв решать эту проблему, и поднялся лифтом на пятый этаж. Повернул ключ. Вошел в темный коридорчик. Дверь в комнату была приоткрыта, и мне показалось, что внутри кто-то есть. Я боком проскользнул в комнату и услышал в темноте тяжелое дыхание. Бросился к выключателю, сплотившись в тамбуре с каким-то ботинком. Зажег свет...

— Кровать. На ней лежал человек. Спал. Кто бы это мог быть? Я подошел ближе и взглянул ему в лицо. Вскрикнул. Он бесспорно по-

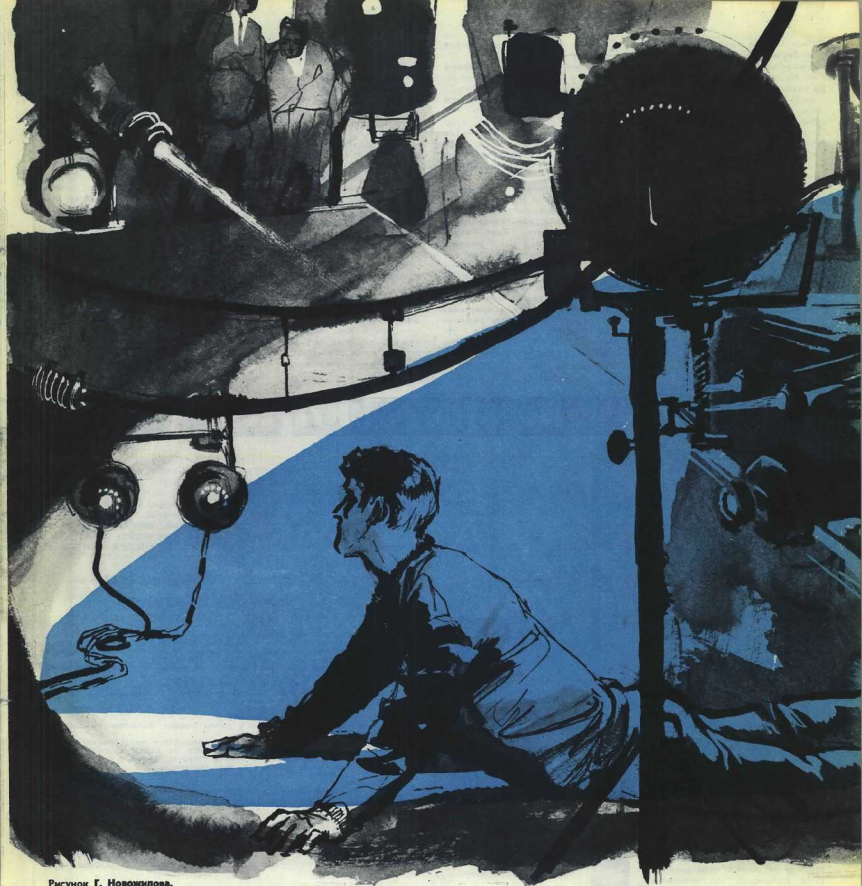

Рисунок Г. Новокholова.

шевелился. Да, я не ошибался. Этот человек был... а!!

Я пулей выскочил из квартиры, перескакивая через несколько ступенек, сбегая вниз и долго заогнул у ворот. Сторож выбежал, застегивая на ходу плащ.

— Что случилось? Пан редактор, что случилось?

Я не ответил. Задыхаясь, добегал до угла, где стояли такси, рванул дверцу машины и одним дутком вывалил адрес Колота. То, что я увидел дома, превращало возможности моего воображения. Ведь я совершенно отчетливо видел его, вернее, свои волосы,

свой нос, даже свой пиджак, брошенный на стул. Я не сомневался, что это только частица происшедшей сегодняшнего вечера, ключа к которым был в руках Колота...
На звонок долго никто не отвечал. Наконец послышались шаги, и в дверях появилась Колот.

— Что? Ольга ты! — воскликнул он вместо приветствия. — Я же тебе сказал, чтобы ты шел спать.

— Слушай, ты должен мне кое-что объяснить, но прежде поверь: я не вылил сегодня ни капли.

Колот внимательно посмотрел на меня.

— До сих пор ты никогда не

пытался выдавать себя за трезвенника. Дыши. Действительно, кажется, не пил. Но в таком случае что ты тут делаешь? Случилось что-нибудь серьезное? — В его голосе чувствовалась беспокойство. — Идем в комнату.

— Серьезное? Не знаю. А вот необыкновенное и непонятное — наверняка, — прервал я.

— Говори.

— Сначала скажи: ты договаривался сегодня со мной на семь?

— Нет.

— Но в институте ты был?

— Нет. Уходил на собрание Астронавтического общества.

— Однако ты пригласил меня на испытание этого аппарата, как он там называется?

— ТИПРОМ!

— Ага. Так ты приглашала или нет?

— Нет. Правда, собирался...

— Тогда кто меня приглашал? Но это не самое странное. Что ты скажешь на то, что я видел тебя в семь в институте?

— Скажу, что тебе показалось...

— Ладно, но ты можешь объяснить, почему, придя к себе, я нахожу в собственной постели самого себя, несмотря на то, что стою около кровати!

Лицо Колота оживилось.— Значит, действует... — сказал он почти возбужденно.

— Не знаю, что там действует, но скажи, не спятил ли я...

— Не думаю. Позволяю обнять тебя. Ты принес мне фантастическую радость. Ничто не доставило мне больше радости. Это великий день. Пошли вылезать.— Колпот подошел к бутылке, открыл его и вынул бутылку. Я удивленно смотрел. Колпот с тех пор, как я его узнал, был столпотопителем тропинкам, так что это вино можно было смело причислить и необычайно событиям дня.

— Не знаю, чему ты так радуешься — сказал я, слегка оступая от первого изумления.— В том, что я увидел второго себя, я не вижу ничего радостного.

— Ты не понимаешь, но это — доказательство того, что мой эксперимент удался.

— А сегодня не удался!

— Сегодня я не делал опытов. Сделаю в воскресенье.

— Не будущую неделю?

— Нет, на то есть!

— То есть?

— Очень просто. Сегодня четверг...

— Я тут устался на него.

— Но ведь...

— Что кведь? Ведь четверг был несколько дней назад или будет через несколько дней? Ты это хочешь сказать?

— Ну... да...

— Не обязательно... Ты когда-нибудь слышал...?

— Колпот!

— Это сказал кто-то за моей спиной. Я резко повернулся. В комнате стояли двое мужчин.

— Колот, ты забываешь!

— Но... Лицо Колота стало серым и невыразительным.

— Не выкручивайся. Ты хотел уже это сказать.

— Великий ученый... великий физик — смеял да и только... — добавил другой.

— Я бы ему ни слова не сказал... Правда!

— Довольно того, что это перенесение во времени... Кажется, ты уже совершенно забыл, что направишь сюда на историческую практику... Начинаешь играть геника из их эпохи...

— Пользотель... прервал я... что все это значит?

— Не мешай мне, пареня. Мы старые друзья Колота — зашелся он.— Северно, Колот, я уже не говорю об этом вине. Ты немного одиач...

— Не ввязь ни ввереть, ты сграл бы с нами шутку вроде той, что продала Элиас...

— Ничего подобного. К тому же это совсем другая эпоха.

— Пара тысяч лет в ту или иную сторону не меняет сути дела. Он тоже утверждал, что ничего не сделал, только полетел немного на антигравитаторе... А они говорят о нем до сих пор...

— Постояй... прервал Колот... ведь Я слышулет...

— Ерунда. Последнее опыты в Америке показали, что если даже один из них что-нибудь о нас знает, остальные уже не верят.

— Я — журналист...

— Молодой человек, все равно не дадут ему слова молвить... Знаешь что, Уон, — обрелся он ко второму, — предлагаю проделать и на другой эксперимент... Он уже немного знает...

— А ты проверяй, кто был его сыном, внуком...

Этот их метод разговора меня немного раздражал.

— Может быть, вы наконец скажете, о чем говорите... Слушай, Колот, откуда взялись эти тиньи...

— Отставь, Язд! — Колот был явно раздражен.

— Сейчас объясню.— Тот, кого называли Уон, умибуился.— Так вот, наш дорогой друг Колот, специалист по социологии древних веков, был послан на практику в двадцатый век...

— Откуда послан!

— Ну, из нашей эпохи... из будущего... Впрочем, он тут не очень томился и жил, как полагається в двадцатом столетии... Вино, например, намислимо в наше время... Потом наш любимый Колот выступил с проектом постройки ТИПРОМА... Из этого не следует, что он велкий ученый... Также в наше время строит любой ребенок уже в предшколу... Он хотел проверить реакции людей вашего столетия на это открытие... Конечно, о перенесении людей во времени было разговора... и, перенес тебя, он

злупотребил нашим доверием... — Но он вошел случайно... правда, случайно.

— Ты обязан был это предусмотреть, правда, Ноу! Люди нашей эпохи отвечают за свои шиббики...

— Не приноду, — сказал я.

— Чего не понимаешь? — удивился Ноу.

— Этого... перенесения во времени...

— Это же просто. Элементарная теория «перспектово». Мы живем в нормальном четырехмерном пространстве. Люди вашей эпохи могут двигаться только в трех измерениях, а время течет для них всегда вперед.

— И что в этом странного?

— То, что действительно через плато измерение можно попасть в любой пункт этого четырехмерного пространства... Можно перенестись в завтра, во вчера, в день рождения своей матери... в эпоху оледенения...

— Как можно перенестись во что-то, чего уже нет? Не станете же вы мне обещать, что вчерашний человек тоже существует...

— Конечно, существует. Тотчас же, как день завтрашний...

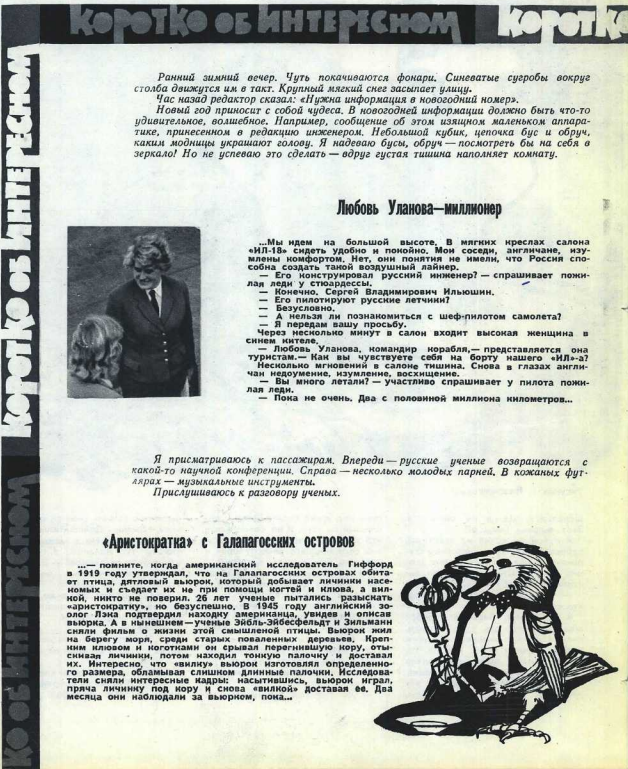
— Ересь, — сказал я и рассмеялся в лицо этому Ноу. Это не прозвучало на него впечатления.

— Подожди. Попробую объяснить тебе ты идешь по тропинке через поле. Представь себе еще, что оглушиться не можешь... не можешь, как бы ни котал... Идешь себе тропинкой, а у этой тропинки растет дерево. О том, что оно существует, ты знаешь, даже не приближаешься к нему: просто его видишь. Но когда ты пройдешь мимо, оно переставет для тебя существовать. Ты его больше никогда не увидишь, так как можешь обвирнуться... Оно для тебя исчезло, как вчерашний день...

— Некоторое время я усниенно думал, потом спросил:

— Так ты утверждаешь, что мы просто не можем обращаться во времени... во вчера, так же, как ты пешеход не мог обвернуться, чтобы увидеть то дерево...

— Прекрасно. Именно об этом речь. Но дело в том, что вооб-

СОВЕТСКИЙ ИНТЕРЕС

Колотка

Ранний зимний вечер. Чуть покачиваются фонари. Синеватые сугробы вокруг стоабо обморожены. Ветер какой-то свежий снег засыплет улицы. Час назад редактор сказал: «Нужна информация в новостной номер. Новый год приносит с собой чудеса. В новогодней информации должно быть что-то удивительное, волшебное. Например, сообщение об этом извятико маленьком аппарате, приносимом в редакцию инженером. Небольшой кубик, цепочка бус и обруч, какши модницы украшают волосы. Я надеваю бусы, обруч — посмотрю бы на себя в зеркало! Но не успеваю это сделать — воруе пустая тишина напалает комнату.

Любовь Уланова — миллионер

— Мы идем на большой высоте. В мягких ирсахх салона «ИЛ-18» сидеть удобно и покойно. Мои соседи, англичане, изувельны комфортом. Нет, они понятия не имеют, что Россия способна создать такую воздушный лайнер.

— Его конструировал русский инженер! — спрашивает пожилая леди у стюардесс.

— Конечно, Сергей Владимирович Илюшин.

— Его пилотировали русские летчики?

— Безусловно.

— А нельзя ли познакомиться с шед-пилотом самолета?

— В первую вашу просьбу.

— Любовь Уланова, командир вероабля, — представляется себе на турнистант. Как вы чувствуете себя на борту нашего «ИЛ-18»? Несколько агворения в салоне тишины. Снова в глазах англичан недоумение, изумление, восхищение.

— Много летали? — участливо спрашивает у пилота пожилая леди.

— Пона не очень. Два с половиной миллиона километров...

Я присматриваюсь к пассажирам. Впереди — русские ученые возвращаются с какой-то научной конференции. Справа — несколько молодых парней. В кожаных футлярах — музыкальные инструменты. Прислушиваюсь к разговору ученых.

«Аристократия» с Галапагосских островов

— Помните, когда американский исследователь Гиффорд в 1919 году утверждал, что на Галапагосских островах обитают птицы, дятловый выворон, которые добывают личинки насекомых и съедает их не при помощи когтей и клюва, а вилоной, никто не поверил. 26 лет ученые пытались разнискать «аристократию», но безуспешно. В 1945 году английский зоолог Лиза подтвердила находку американца, увидев и описав в первую очередь выворона. Дильбей-Зибельфельд и Зильманн сняли фильм о жизни этой смешливой птицы. Выворон жил на берегу моря, среди старых поваленных деревьев. Крепленые клювом и ноготками он срывал паразитичную кору, отыскавал личинки, потом находил тонкую палочку и доставал ее. Интересно, что «виловый выворон» определенно огромного размера, обвиваемая слишком длинные палочки. Исследователи интересовались, почему насыпаясь выворон играл, прыгал личинку под кору и снова «виловый» доставал ее. Два месяца они наблюдали за выворон, пока...

щето-оборачиваться можно, только, к сожалению, это не так просто. Надо уметь «оборачиваться» во времени. Оборачиваясь, мы не можем, не должны ничего изменять в вашем мире, потому что последствия этого переносится на будущее и изменяют наш мир...

— Как это «оборачивать»?

— «Парадокс дедушки». Ах, правда, ты о нем еще ничего не знаешь! Вообрази, что ты переносишься на несколько десятков лет в прошлое и убиваешь своего дедушку, когда он был еще младенцем. Потом возвращаешься в свое время, и что оказывается? Один из твоих родителей никогда не существовал. Ты сам никогда не родился.

— Абсурд.

— Только на первый взгляд. Каждый человек в вашей эпохе знает, что можно формировать будущее... Так вот прошлое можно формировать совершенно идентично... и оказывается, что они, собственно, ничем существенным не отличаются...

— Может быть... но в редакции

этого все равно не пропустат... Такие истории не проходят даже первого апреля...

Уон весело рассмеялся.

— С ними всегда так... Когда им что-нибудь скажешь, просто не верят. Им все надо проверить самим...

— В этом могущество рода человеческого...

— Но подумай. Мы люди. Это же видно. А по их мнению, это совсем просто, и поэтому они принимают нас за марсиан, землянин или вообще пришельцев из иных миров. А ведь то, что мы люди, из-за этого, и направляется само собой. Ведь вероятность возникновения на иной звезде разумных существ, внешне подобных человеку, чрезвычайно мала...

— Ну, что ж... Кепот встал со своего стула... После всего, что вы тут говорили, можно спокойно выйти... Это калпа в море зальет...

— Ошибьешься. Мы проводим опыт, у нас есть разрешение...

— А вы проверили, что будет

Яс делать потом и как сегодняш-

ний разговор изменит его жизнь... — Не волнуйся. Это уже не наша зона.

— Во всяком случае, если что-нибудь изменится в моем времени, я буду знать, где искать виновных...

Уон пожал плечами, а Уон вышел. Через минуту он вернулся, неся... Копота, другого Копота, мертвого.

— Пусть это тебя не удивляет, — сказал мне Уон, — это только копия. Мертвая, синтетическая копия. Правда, для ваской условой довольно точная, и, располагая вашими средствами, невозможно обнаружить никакой разницы между ней и Копотом. Поэтому завтра вам врач скажет, что Копот умер от болезни сердца... — Уон улыбнулся.

— Ну, нам пора. — Уон уложил копия на кушетку, — Пошли...

Мы вышли на балкон. Уон вынул что-то из кармана, и в тот же момент совершенно беззвучно появились — буквально появились, потому что я не видел, отку-

да она прилетела, — машина, напоминающая огромную медузу...

Уон скрылся внутри нее. Я нервничательно стоял, когда я удрал. Уон положил мне руку на плечо.

— Проглоти это, — сказал он и подал мне небольшую круглую таблетку. — Проглоти, а до остальной побегомоясь мы, и ты вернешься туда, откуда отправился...

Я проглотил... и оказался на металлической плитке ТИТРОМА. Люди в белых халатах стояли у распределятельных щитов, как тогда. Один из них увидев меня и крикнул:

— Сойдите с экрана! — Со мной ничего не случится? — спросил я, подходя к нему.

— Нет. Это еще не работает, но лучше не входить на экран.

— А когда запустите!

— Сразу же, как только придет Копот. — Он взглянул на часы... Не знаю, почему он опаздывает. Уже час, как должен был прийти.

Перевод с польского Е. ВАЙСРОТ.

КОРОЛК ОМИТЕ ПЕСНОМ

Музыканты о чем-то громко заговорили, и я не узнала, что же случилось с удивительной пиццей.

Музыкант может быть нарядный

— Может, и композитором лет через двадцать нарядный будет? — услышала я насмешливый голос.

— Композитором — не утверждаю, а музыкантом — да.

— Вот как! А у меня абсолютно никакого слуха... не отступай первый... Попробуйте сделать из меня музыканта!

— Согласен, — хитрово улыбнулся парень. — Сейчас вы будете играть на аккордеоне, а через — но и никогда эту штучку и в руках не держал.

— Ничего. Сыграйте вальс Штрауса. Намините нотку.

Музыкант осторожно нажал нотку и, пораженный, уставился на свои руки. Они не трогали никуда, но по самоту являлся знакомый, никуда, никуда. Аккордеон играл, и вот почему он был с программным управлением. Клавиатура заключена в шаблон миниатюрными электромагнитными реле. Многоликий телефонный набор соединяет 65 реле с электроническими коннектами несложного программного устройства — десифратора. Сначала музыкальное произведение записывается на целлюлозную или бумажную перфокарту, которая вставляется в десифратор, и движущаяся лента, заставляющая соответствующие контакты. Они-то и включают реле, реально разыгрывая или снимают весь инструмент.

Только я хотела спросить разрешения взглянуть на дисконный инструмент, как самолет пошел на посадку. Дальше мне ехать поездом. Ну, что ж... — Счастливого полета вам, шеф-пилот Любовь Уланова! Счастливого полета вам, расскажишь удивительные истории!

Искусственный климат в вагоне

Проводник посмотрел на мой билет: Пожалуйста, ваше кресло номер семидесят — справа.

Здесь, словно в самолете, удобные кресла с откидывающейся спинкой, приятного оттенка. Стены глянцевые, потолочные светильники с лампами дневного света и слабый шумикомы над головой. Огромный диск радиозвуда поезда проговорила:

— Дорогие товарищи пассажиры! Сейчас мы расцениваем о нашем поезде. Вы первые его пассажиры. Вагон нашего поезда в два раза ярче освещен, чем цельнометаллический — нузя, рама, боковые и торцовые стены и крышка его цельноалюминиевые и выпущены из прочного алюминия. Стены вагона осязаемы прочным, эластичным и легко моющимся пластмассовым типом «Панорам». Вагон оборудован оригинальной автоматической установкой для кондиционирования воздуха и системой электрического отопления. Он создан коллективом инженеров Калининского вагоностроительного завода под руководством Александра Фроловича Глебова.

этом дело. Нужная она очень. Эта микроинтеракция поездов в деревне нужна — на фермы что привезти или в поле. Другой раз куда 200—300 килограммов груза приходится гонять пятитонную. А тут: полувагоны грузоподъемностью 400 килограммов — развею хоть обед, хоть запястьи.

Машина идет плавно по рытмному следу, сосны за стеклами вагона начинают медленно поочередно, никак непланово, крунуться, потом зачались сгубило, и...

Я проснулась. Где же искать информации? Вспомнил сон. А может, уже не надо ничего гадать? Ведь все, что мне приснилось, — это не выдумка, не фантазия, а быль. И даже аппарат искусственного сна, способный регулировать импульсы биотоков мозга!

Я предостерегла информатора шашкисте, художник Г. Новожилов сделал рисунки, и материал попал к редактору.

В. СЕННА

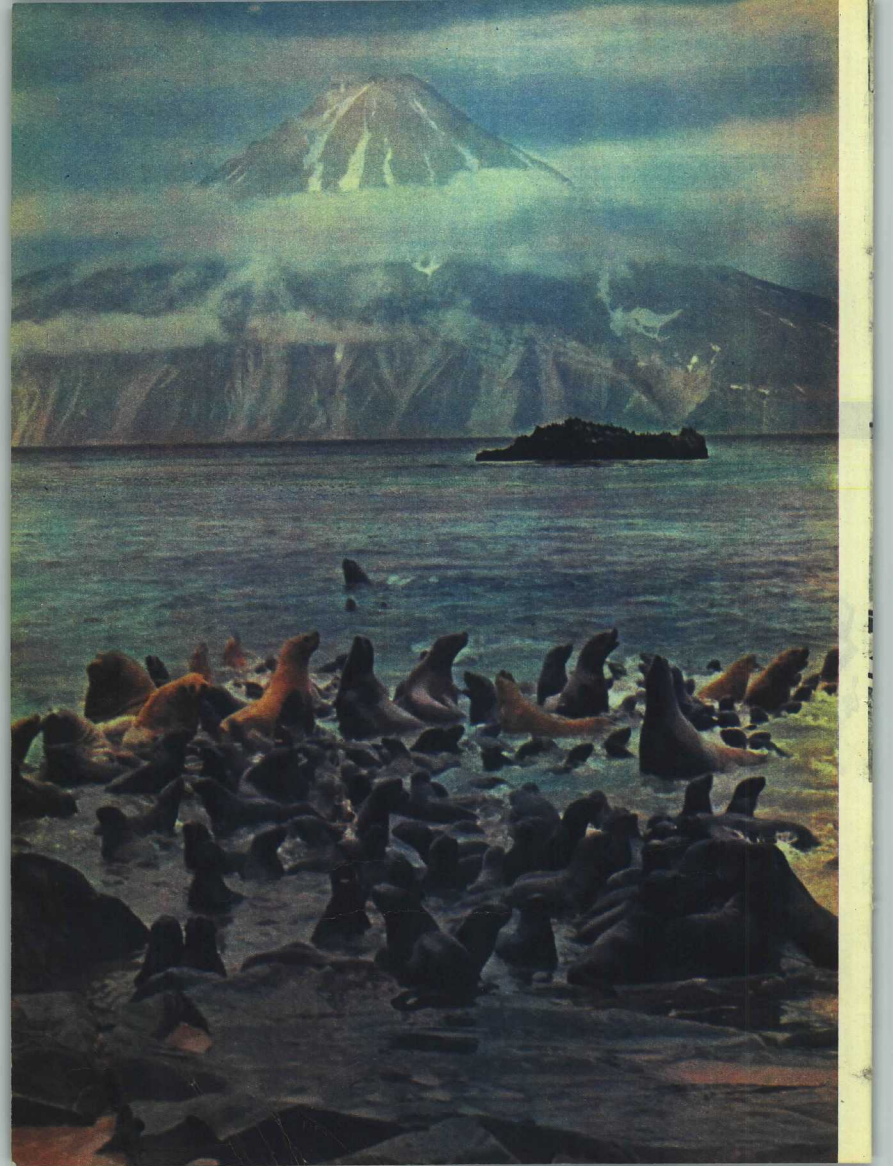

Фото и текст
специального
корреспондента «Смены»
Вадима ГИПЕНРЕЙТЕРА

ПТИЦЫ БИТАЕМЫХ ОСТРОВАХ

Яшаву на «Геологе» — всесоюзной телевизионной передаче, в которой предстоит обойти десять необитаемых островов Северных и Центральных Курил. Холодно, ветрено и туманно. Но вот и первые предвостанки земли — птицы.

Развиваем на берегу бива. Вскоре нас начинают извещать нерпы. Их головы появляются совсем близко: большие глаза долго и спокойно разглядывают пришельцев. В гнилых норках на самых кручах выводит птенцов торфоры, дохляки на полуострове. Когда доберешься к тельному гнезду, торфоры начинают урчать, как собачки. Если сушенья ружу — больно кусаются.

Кричат чайки. Как дуватики, с отчаянным видом ходят птенцы: их можно взять в руки, их можно бить волной или мочить дождем — реакция почти инстинктивная. Иногда птенцы решают спрятаться: лежат между камнями и засунут в щель голову — сам спугнул, но его почти не видно, настолько хорошо маскирует его серый и крапивообразный мех.

Удивительные звери — каланы. Их мех самый короткий, самый прочный и красивый на земле. Именно из-за меха каланов едва не постигла участь «стеллеровой морюхи», исчезнувшей с лица земли: каланов хищники уничтожили. Нине они являл нею особую охрану. Их поголовье постепенно растет, и потому встречи с ними происходят почти у всех островов.

Этот зверь питается главным образом морскими ежами. Нарядом достает со дна одолго-дуж и лежа на спине, ошматывает передними лапами и зубами от скорлупы.

На острове Анциферова я познакомился со львамясниками. Под высокой стеной Уайдел сотни зверей, расплодившихся на скалах и в воде. Шум прибой, рев самцов и детенышей, крики птиц, шум ветра по-

ражают воображение и слух даже самого прозаически настроенного зрителя. Долго смотрю сверху вниз, но спуститься туда не могу: лебещица снизучей защипыли с берега неприспугнутыми сигналами и поплыть к ним можно только с воды.

Решаю идти к лебещице на «Геологе». Рев зверей слышен даже с большого расстояния, а ближе он превращается уже шум дикого леса. Видимо, испугавшись приближающегося судна, звери по-прежнему — сто штук попрыгали в воду и, продолжая реветь, стали

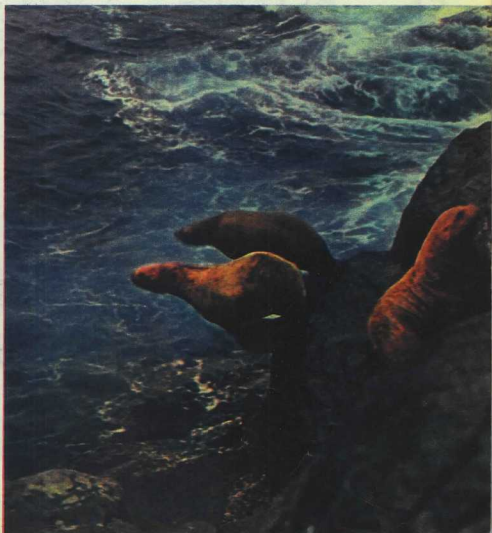
плавать вблизи берега. Иногда они все вместе нырели и так же «кормом» выныривали. Наше вторичное ныряние не нравилось, но в воде они себя чувствуют довольно смело.

Вдали, на отдельных крутых скалах, расплодился громадные самцы соломенно-желтого цвета. Несет они до тонны. Самцы зубами вгрызаются за шиворот на скалы своих детей — черных, горных и не очень-то ловких. Те путаются у всех алод ногам.

На острове Райноем и вы-

сливаясьсь один, добравшись до берега на лодке. По мере того как приближаюсь к середине стада, слышу отступают: образуми прохлад и я старюсь их не пугать резкими движениями. Вскоре обнаруживаю, что проход сомкнулся и... слышу теперь вокруг меня. Если тонкий зверь даже нечаянно сшибет с ног, то задвигает, как муку.

Может показаться, что здесь заморают. Лишь мчатся ураганные ветры, да шум прибой оглаивает мрачные и неприспугнутые скалы.

ПОСЛЫШАЕМ ПЕРЕКЛАМ

(О повести Н. Сизова «Сердца беспокойные»)

Сейчас уже трудно сказать, с чьей «летней руны» довольно долгое время мочевал по некоторым нашим знаменитым повестям и романам примерно такой персонаж: в очках, глумливый, язвительный с окружающими фразами вроде следующего: «Поднять на должную высоту... Добьются стопроцентного охвата». «Есть предложение вопросы задавать в письменном виде и т. п. Персонаж этот почему-то был призван олицетворять собой... комсомольского работника.

Юность штурмовала целину, строила в глухотам новые заводы и города, выдала рекордные планы, а в итоге и литературе приписала одной секунды и недель человек, в котором иные сепаратисты и литераторы видели комсомольского руководителя.

Думается, только поверхностное знание жизни молодежи породило этот литературный штамп, от которого сейчас все равноительно и успешней избавляются и писатели и читатели. Еще одно тому доказательство — повесть. Юноша Сизова «Сердца беспокойные».

На первый взгляд повесть строится на весьма несложном сюжете. Один из подмосковных машиностроительных заводов получает неопределенное задание — срочно освоить выпуск нового культуруоборочного комбайна. Получает в тот самый момент, когда большая группа заводских комсомольцев во главе с секретарем комсомольского комитета Алексеем Выстролом собралась ехать на Ангару, строить новый город — Лесогорск.

Борьба молодежи за досрочный выпуск этого омыл тузового сельского хозяйства комбайна вроде бы и является основой произведения. Однако события, происходящие в повести Н. Сизова, выходящие за рамки «производственного» сюжета. Страница за страницей они все больше и больше захватывают, заставляя читателя задумываться о больших и серьезных жизненных проблемах.

Главный герой повести — Алексей Выстрол, человек с цельным характером, для которого дела заводской молодежи, судьбы его товарищей, интересы производства составляют основное содержание жизни. Он принципиален и честен. Однако судьба самого Выстролова неясна.

Выстролу противостоит секретарь горкома комсомола Виктор Крутинин, расчетливый карьерист; основная забота которого состоит в том, чтобы быть замеченным «наверху». Крутинин — порождение того времени, «когда шум, да молва, да анонсы и гадкие написанные отчеты считались высшей доблестью в комсомольской работе. Эти слова, которые в конце повести произносит секретарь городского комитета партии Громов, очень важны для понимания основного настроения «Сердец беспокойных». Несмотря на то, что времена правды и шурвалы в коммуне давно прошли, крутинин еще живет среди нас и позиция своих бес бою не слабеет.

Принципиальный спор между Выстролом и Крутинным, между честностью и приспособленчеством, между правдой и кривдой — вот основной конфликт повести. Много крутых жизненных переломов преодолевает Выстрол, прежде чем добивается победы над Крутинным и его приспешниками. Выстрол симпатичен с работы. От него уходит жена. Однако Выстрол находит силы для неслыханной борьбы за правду. Он черпает их в своей непоколебимой вере в торже-

ство дела, которому служит, в своих друзьях — простых заводских парнях и девушках.

За последнее время на книжных полках появилось немало произведений, написанных не профессионалами-литераторами, а людьми самых различных профессий: врачами, бетонщиками, инженерами... Книжки этих авторов интересны не их тематическое, жанровое и стилистическое разнообразие, обладаят, пожалуй, одной общей чертой. Они появились на свет не в результате спонтанного командировочного наезда для сбора необходимой «фактуры». Их авторы не были только наблюдателями описываемых ими событий. Они сами участвовали в гонках забойщика, укладывав бетон в тела монолитных плит, жили вместе со слесарями бугучными герметиками, делили с ними и радость и горе.

И Сизов — в прошлом комсомольский работник. Вот почему так точно, без фальши описывает он будни заводской комсомольской организации, дает подробные зарисовки жизни и быта заводских парней и девчат. Вместе с тем повесть его так бы иллюстрирует слова И. С. Хрущева, сказанные на XVI съезде ВЛКСМ: «Комсомолу никогда не мешало бы участвовать в решении важнейших народнохозяйственных задач. Можно сказать, что история нашей страны, пожалуй, не знает такого массового трудового героизма, какой проявляли молодые в последние годы».

Повесть «Сердца беспокойные» поможет понять, как, в каких и под какими условиями заслужено эту высокую оценку юные комсомольские Страны Советов.

Г. АНЗИМОВ

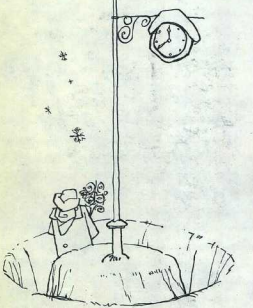
1 «Молодая гвардия», 1962 год.

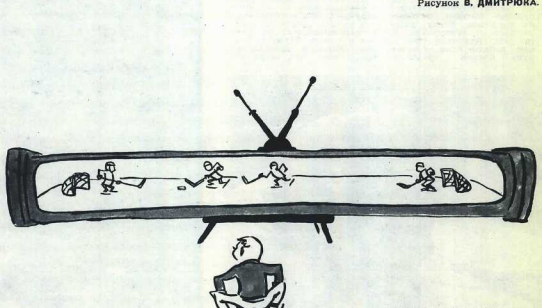
ВЫПРОСИЛ

Рисунок О. ТЕСЛЕРА.

— ОН, Я ЗАБЫЛА СНЯТЬ ШАПКУ!
Рисунок В. ДМИТРИЙКА.

В ОЖИДАНИИ... Рисунок Б. ЧУПРЫГИНА.

МЕТЧА ВОЛКЕШНИКА.
Рисунок А. ШАБАНОВА.

Рисунки В. ГАЛЬДЯЕВА.

РАССКАЗ

Мой папа не любит, когда я мешаю ему читать газеты. Но я про это всегда забываю, потому что мне очень хочется с ним поговорить. Ведь он же мой единственный отец! Мне всегда хочется с ним поговорить.

М

Вот он раз сидел и читал газету, а мама присидела мне воротник к куртке. Я сказала: — Пап, а ты знаешь, сколько в серебре Байбак можно напихать Азовских морей?

Он сказал: — Не мешай... Я сказала: — Девяносто два! Здорово? Он сказал: — Здорово. Не мешай, ладно? И снова стала читать. Я сказала: — Ты художника Эль Греко знаешь? Он кивнул. Я сказала: — Его настоящая фамилия — Доменико Теокотпузи! Потому что он грек с острова Крит. А Крит ведь греческий, правда? Вот этого художника испанцы и прозвали Эль Греко!.. Интересные дела. Кит, например, папа, за пять километров промашит.

Папа сказал: — Помоги хоть немного... Хотя пять минут... Но у меня было столько новостей для папы, что я не мог удержаться. Из меня высыпались новости, прямо высккивали одна за другой. Потому что очень уж их было много. Если бы их было меньше, может быть, мне легче было бы перетерпеть и я бы помолчала, но их было много, и поэтому я ничего не мог с собой поделать. Я сказала: — Папа! Ты не знаешь самую главную новость на Больших Зондских островах живут маленькие буйволы. Они, папа, карликовые. Называются кентуси. Такого кентуса можно в чемодане привезти!

— Ну да? — сказала мама. — Просто чудеса! Дай спокойно прочитать газету, ладно? — Читай, читай, — сказала я, — читай, пожалуйста! Понимаешь, папа, выходит, что у нас в коридоре может пасть целое стадо таких буйволов! А Гавришу какой подарили от Кайра! Ура!

— Ура, — сказала папа. — Замолчишь, нет? — А солнце стоит не в центре неба, — сказала я, — а сбоку! — Не может быть, — сказала папа. — Это слово, — сказала я, — оно стоит сбоку! Сбоку приклея. С ума сойти! Папа посмотрел на меня туманными глазами. Потом газету у него прояснились, и он сказал маме: — Да это что он нахватались? Откуда? Когда? Мама улыбнулась. — Он современный ребенок. Он читает, слушает радио. Телевизор. Лекция. А ты как дура!

— Удивительно, — сказала папа, — как это быстро все получается. И он снова укрывался за газетой, а мама его спросила:

— Чем это ты так зачитался? — Африка, — сказала папа, — кинит! Конец колониализму! — Еще не конец! А Кения? — сказала я. — Что Кения? — спросила папа. Я подала к нему под газету и встала перед ним. — Она еще зависшая, — сказала я, — она зависшая, и Гамбия тоже, и Ангола. Они еще зависшие, двадцать стран еще зависших!

Он сказал: — Ты же мальчишка. Нет. Ты просто профессор! Настоящий профессор — кислых щей! И он засмеялся, и мама вместе с ним. Она сказала: — Ну, ладно, Дениска, иди погуляй.

Она протянула мне куртку и подтолкнула меня. — Иди, иди! Я пошел и спросил у мамы в коридоре: — А это что такое, мама, «профессор кислых щей»? В первый раз слышу такое выражение! Это он меня в васьмешку так назвал! «Кислых щей». Это обидное!

Но мама сказала: — Что ты! Разве папа может тебя обидеть? Я сразу усноковался и пошел гулять. А на лестнице я вспомнил, что мне надо проведать Аленку, а то все говорят, что она заболела и ничего не ест. И я пошла к Аленке. У нее сидела всякой-то дяденька, в синем костюме и с белыми руками. Он сидел за столом и разговаривал с Аленкиной мамой. А сама Аленка лежала на диване и прикасала ладонь к ногу. Когда Аленка меня увидела, она сразу зморла: — Дениска пришел! Ого-го!

Я вежливо сказал: — Здравствуйте! Чего орешь, как дура? И сел к ней на диван. А дяденька с белыми руками встал и сказал: — Значит, все ясно! Воздух, воздух и воздух. Ведь она вполне здоровая девочка! Ничего травожного.

Бибвое или Ней?

И я сразу понял, что это доктор. Аленкина мама сказала. — Спасибо, профессор! Большое спасибо, профессор! И она снова пожала ему руку. Видно, это была такой хороший доктор, что он все знал и его называли за это профессор! Он подошел к Аленке и сказал: — До свидания, Аленка, выдерживай! Она покраснела, всунула язык, отвернулась к стенке и отдулась прощталась. — До свидания... Он погладил ее по голове и повернулся ко мне. — А вас как зовут, молодой человек? Вот он какой был славный, на «вы» меня назвал!

Я сразу встал и сказал: — Я Денис Корыблев! А вас как зовут? Он взял мою руку своей белой, большой и мягкой рукой. Я даже удивился, какая она мягкая. Ну прямо шелковая. И от него от всего так вкусно пахло чистой. И он потряс мне руку и сказал: — А меня зовут Василий Васильевич Сергеев. Профессор.

Я сказал: — Профессор кислых щей? Аленкина мама встала руками. А профессор покраснел и закашлялся. А Аленка — дура — вдруг как засмеется. И мне показалось, что и что-то не так сказал. Прямо не знаю... А может быть, «кислых щей» это все-таки обидно, а?

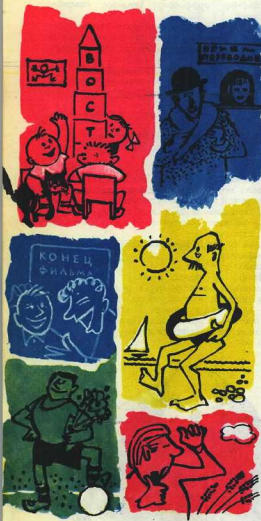
ПОЗДРАВЛЯЕМ!..

Товарищи любители шуток! Дорогие друзья!
 Красавица Земля в ожерелье спутников и космических кораблей
 благополучно завершила еще один оборот вокруг Великого Светила. Год
 кончился — да здравствует новый!
 Нет поздравления более теплого и более содержательного, чем
 «С Новым годом — с новым счастьем!»
 По каким поводам поздравляют люди друг друга в будни?
 С законным браком.
 С первенцем у молодоженов и с прибавлением семейства у старо-
 женов.
 С изобретением (не самовара, конечно!) или открытием (не Америки,
 понтий!).
 С установлением рекорда прыгучести или бегучести.
 С рождением новой книги (автора, а иногда и читателя!).
 С новым годом, с выигранным «Москвичом» по лотерейному билету
 и т. д. и т. л.

В новогоднем поздравлении все это сконцентрировано вместе. Когда
 от души произносят слова «с новым счастьем!», то подразумевают, что
 у поздравляемого в прошедшем году счастье было. Что-то из перечис-

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
 Борис РАЦЕР

СНЫ НОВОГОДНИЕ

Мы не верим в небылицы,
 Но замечено давно:
 Что под Новый год
 То исполниться должно.
 Мы совсем не суеверны,
 Но узнать отнюдь не грех,
 Что же снится (хоть примерной)
 Кой-кому в такую ночь...
 ...Снится детям звездный

Даль космических высот,
 В яслях дети старшей
 группы
 Груazzinoй ведут полет.
 Хвост огромный у кино:
 Фильм такой он сил

Дале зрителям смешно!
 А вихреу заводскому
 Снится, будто он в Краму,
 Что тутевку от завкома
 Дали в этот год ему.

Видит сон писатель крупный,
 Будто он на пещинах,
 (Пещина ему доступна,
 К сожалению, лишь во сне.)
 Снится сон старушке маме,
 Будто снах под Новый год
 В дополнение к телеграмме
 Вышла крупный перевод.

Сон дворняг очень ярок:
 Дед-норос пришел в колхоз,
 Вынесла елка их в подарок
 Всем по «елочке» принес.
 Футболистам снится Чили,
 Возвращение в Москву,
 Им хвасты во снах кружили
 (Скорому бы пляжу!).

...Мы не верим в небылицы,
 Но замечено давно:
 Что под Новый год
 То исполниться должно.

Мы не верим в небылицы,
 Но замечено давно:
 Что под Новый год
 То исполниться должно.

НОВОГОДНИЙ «НАТЮРМОРТ».
 Рисунок Н. МАРНАРОВА

ЕЛКА ПЕРЕСТРАХОВЩИЦА.

ЕЛКА «МОДЕРНИСТА».
 Рисунки Н. ТИЛЬМАНА.

Первая и четвертая страницы обложки: Рисунок
 О. ВУНОВОЛА, стужки Н. СТАРШИННОВА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
 Москва, В-66, Стартавновская, 2-я
 ... ПО ТЕЛЕФОНАМ:
 Коммулятор Е 1-70-20.
 Для справок — доб. 2-42; отделе литературы
 и искусства — доб. 2-15; очерка и публицисти-
 ки — доб. 3-52; международной связи —
 доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44;
 сатиры и юмора — доб. 4-79; прием — доб. 2-53;
 науки и техники — Е 7-65-60; информации —
 Е 7-63-82; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.
 Редакционная коллегия: Ю. Н. Веренко, Е. А. Дом-
 натовский, С. В. Егоров [ответственный секре-
 тарь], В. А. Костров, В. А. Кочетов, В. Л. Разу-
 мневич [заместитель главного редактора],
 Е. И. Рыбников, А. Б. Ступин.

Оформление В. Соколова.
 Технический редактор Н. Будкина.
 А 00219. Подписано к печати 6/ХІ 1962 г.
 Тираж 800 000 экз. Изд. № 2180.
 Заказ № 3163. Формат бумаги 70×108/4.
 2 б. л. — 5,48 п. л.
 Ордена Ленина типография газеты «Правда»
 имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунки не возвращаются.

ленного или из входящего в «и т. д. и т. п.» А еще больше в этих словах уверенности, что в новом году поздравляемому обязательно выпадет новое счастье.

Конечно, не каждый женится (в жизни раз бывает восемнадцать лет!), не каждый выдумает порох, только изобрателю фортуны достается «Москвичка за тридцать копеек, единицы слетают в космос, в том числе и на такую высоту, как Валерий Брумель в его «космических прыжках». Но каждого, без сомнения, каждого, можно поздравить с чем-нибудь хорошим и радостным. Каждый будет счастлива и счастливым другом. Ибо отменила в наше время стародавняя присказка: «В чужое счастье не влезешь».

Не вездут в наше общее счастье только те, кто слишком печется о своем персональном счастье за счет друзей, товарищей, всех мастей, хитрости и комбинаторы, лгуны-аллиментщики и прочая и прочая. Недолговым будет их сомнительное ворованное счастье.

Дорогие друзья! Лучший спутник всякой радости — добрая шутка. Верное оружие в борьбе с недостатками — смех.

Успехов вам на благойромом поприще сатеры и юмора.
С Новым годом! С новым счастьем! С новыми шутками!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ.

— ПРОВКА ВАША?

— ВАША ПОСЫЛКА СВЕРХУ.

Рисунки Р. ОВЕНЯНА.

СРАВНИ

— Почти, как я.
— Лишь чуточку пошлее! —
Так описал комар «ТУ-104».

В. ЧУБЕНКО

ШУРУП

— Я в работе очень вертлив
Лишь в соавторстве с Отверткой.

ЖИАЕТ

С трубами он не раз, не два
Кричал:
— Засучим рукава!

ПОДИ ИМ УГОДИ!

Вращаясь, ворчит в мысорубке Ножки:
— Вот люди! Разжуй им и в рот
положи!

А. САВЧУК

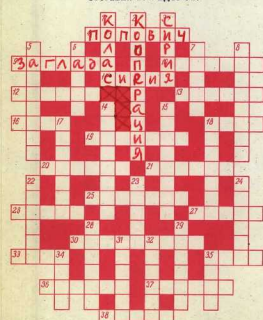

ТЕНЬ

Вглянув на Человека, Тень сказала:
— Вот прищепись, вай места мало!

КРОССВОРД

Составил Б. ФЕДОРОВ.

По горизонтали:

1. Летчик-космонавт. 9. Знаменитая украинская зрелищная. 10. Руководитель шахтерской комбинезной бригады, дошедшей самой высокой производственной угольного комбайна. 11. Новый сорт арбузов, выведенный вблизи Волгограда. 12. Русский революционный писатель-диссидент. 13. Автономная область, отправлявшая в нашешнем году свои сорозаветие. 16. Художник, автор панорамы сражения, происшедшего его пядьдесят лет назад. 18. Столица африканского государства, отбитого недавно десантною головником национально-освободительной. 19. Автор полуарного марша, впервые прозвучавшего на первом фестивале молодежи. 20. Штатист, абсолютный чемпион мира. 21. Город, где состоялся международный шахматный турнир имени Э. Ласкера. 25. Новый мощный танкет. 26. Опера В. Моцартова. 27. Страна в Африке, добывающая независимости в этом году. 30. Прогрессивная английская писательница. 33. Памятникный поэт, лауреат Ленинской премии «за укрепление мира между народами». 35. Город в Великобритании, где состоялась четвертая международная ярмарка. 36. Город, где проходил чемпионат СССР по шахматам среди

- женщин. 37. Основположник армянской пролетарской литературы. 38. Балет на музыку Д. Шостаковича.

По вертикали:

1. Народный поэт Белоруссии. 2. Советский теплоход, совершивший рейс в Антарктику. 3. Страна в Азии, которую в начале 1963 года посетил космонавт Г. Титов. 5. Ученый, специализирующийся на механизации и автоматизации сельского хозяйства, лауреат Ленинской премии. 6. Спортивная команда, победитель всесоюзных гонок на буреках. 7. Оперный балет Н. Римского-Корсакова. 8. Композитор, в честь которого в Хельсинки проходит ежегодные музыкальные недели. 14. Советский журнал.

ОТВЕТ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

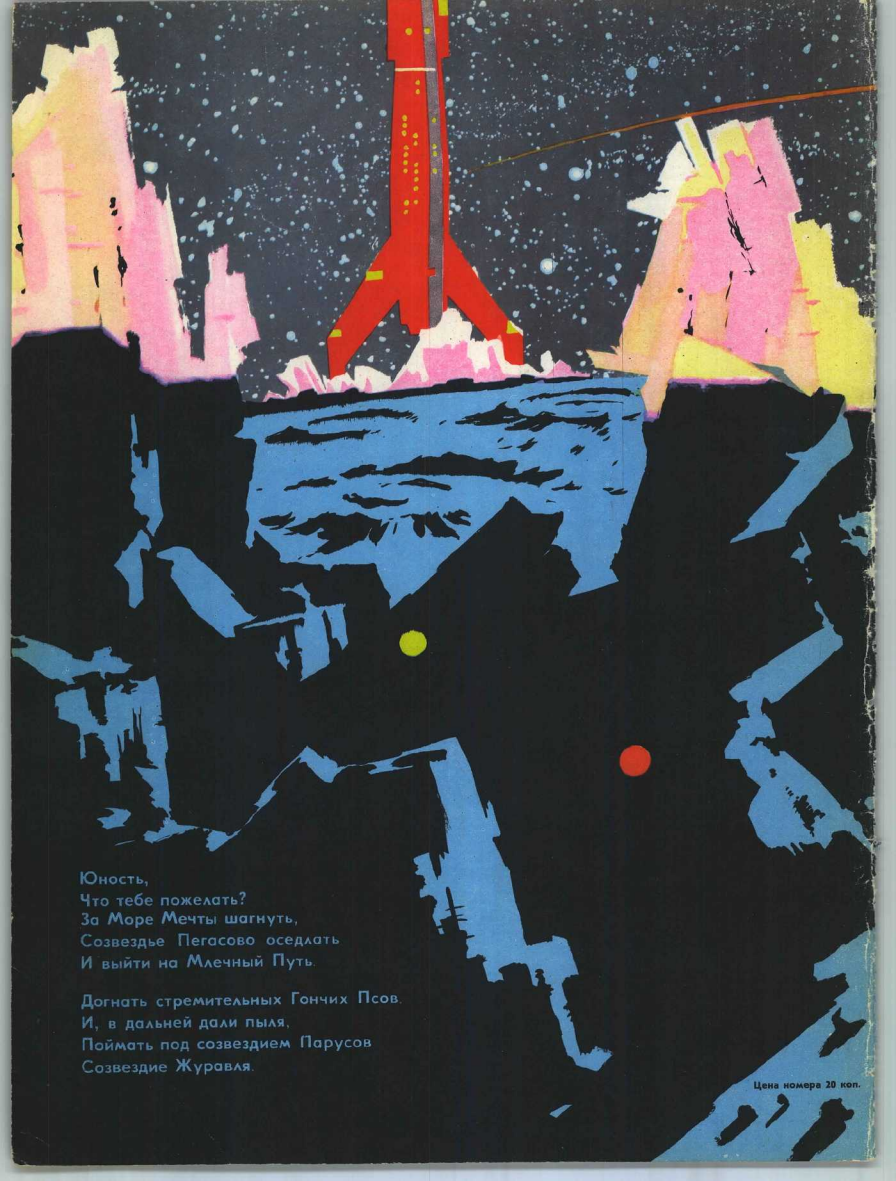
По горизонтали:

1. «Ромеон»; 6. Вечерова; 8. Береза; 9. Белозор; 11. Ленкор; 13. Дюпон; 14. Кондуктор; 16. Снайра; 17. Коала; 19. Фарада; 20. Силуч; 21. Катет; 27. Полюша; 30. Пелла; 28. Тара; 30. Болонатор; 33. Хондр; 35. Бубен; 36. Петру; 37. Глезов; 38. Надлинни; 39. Гумингит.

По вертикали:

1. Терек; 2. Сицили; 3. «Цемент»; 4. Трноп; 5. Ромейни; 7. Арисюнда; 8. «Волеор»; 10. Люцери; 12. Хурал; 14. Кративни; 15. Редювист; 17. Коуч; 18. Атан; 22. Повозрон; 23. «Шовец»; 24. «Алчар»; 25. Грелду; 26. Англезит; 31. Паргис; 32. Таллур; 34. Репин; 35. Волнд.

Юность,
Что тебе пожелать?
За Море Мечты шагнуть,
Созвездье Пегасово оседлать
И выйти на Млечный Путь.

Догнать стремительных Гончих Псов.
И, в дальней дали пыля,
Поймать под созвездием Парусов
Созвездие Журавля.